Графъ Н. Н. де-Рошефоръ.

Искорки войны

ПЕТРОГРАДЪ

ГРАФЪ Н. Н. де-РОШЕФОРЪ

ИСКОРКИ ВОЙНЫ

ГРАФЪ Н. Н. де-РОШЕФОРЪ

ИСКОРКИ ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 30 Іюня 1916 г.

Типографія Петроградской т. Арсенальная наб., 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПИСЬМО.

Я Вамъ пишу—лишь въ домѣ всѣ заснули...

Такъ я могу спокойно помечтать... Вѣдь грёзы вѣщихъ сновъ меня не обманули, и снова будто Вы... вотъ здѣсь... со мной опять...

Вотъ Ваша прядь волосъ, цвѣтокъ засохшiй рядомъ,—и отъ него струится нѣжный ароматъ.

Вотъ снимокъ предо мной, гдѣ ранены снарядомъ,—и милый, пристальный Вашъ взглядъ...

Окно мое открыто въ садъ, и ночь тепла осенней теплотою. И кажется мнѣ будто, что порою дыханье радости въ лицо мнѣ тихо вѣетъ...

Прозрачный свѣтъ луны меня лелѣетъ, и шлетъ привѣтъ сквозь дымку тишины...

Я днемъ безудержно рыдала, узнавъ изъ Вашего письма, что ранены Вы были.

Н ѣ т ъ! Нѣтъ! Я больше не грущу.

Я Вами такъ горжусь!

Меня Вы не забыли. Прислали мнѣ письмо, давъ знать мнѣ о себѣ.

И вотъ теперь, когда во снѣ весь домъ и вся природа, когда для чувствъ моихъ такъ дорога свобода,—сказать хочу Вамъ нѣсколько я словъ: Какъ будто рядъ вѣковъ, — тяжелыхъ, безконечныхъ,—съ отъѣздомъ Вашимъ въ полкъ, прошли, какъ мрачный сонъ... Всѣ ужасы войны, — души тревожный стонъ,—ужъ далеко ушли, но дорогой цѣной... Всѣ ночи напролетъ молилась П р е с в я т о й, а дни—въ мечтахъ о Васъ...

.. Молитвы сберегли...—и Б о г ъ Васъ, милый, спасъ.

Вы стали безъ руки.... и Вы страдать готовы, боясь меня за это потерять.

Какiе пустяки!

Такихъ, какъ были Вы, — здоровый и красивый,—ихъ сотни близъ меня, и видъ ихъ горделивый мнѣ только лишь смѣшонъ: а Вы теперь одинъ; Вы—только *мой*, и это ужъ не сонъ!

За дѣло правое, за честь родной Отчизны, Вы, кровь свою проливъ, отдали часть себя. — Я-жъ храбрецу отдамся вся, отдамся навсегда....

Вотъ здѣсь, тогда, у яркаго камина, Вы первый разъ шепнули про любовь....

Вотъ тамъ, въ саду, у милой, старой липы Вы поцѣлуй зажгли мнѣ жгучій вновь.... Онъ до сихъ поръ играетъ на устахъ.... И долго я простить за это не хотѣла: не знаю почему, Вы мнѣ внушали страхъ....

Но вотъ теперь, когда спѣшите Вы сюда, когда Вы пишите, что скоро Васъ отпустятъ, Вы сядете опять къ огню, у камелька, и вновь слова любви воскреснутъ... какъ тогда...

Но тѣ слова, съ оттѣнкомъ нѣжной страсти... съ заботой ласковой... и съ гордостью въ душѣ *Я* Вамъ скажу.... скажу *Я* ихъ *Тебѣ*....

И лишь теперь, когда Ты, долго - жданный, пріѣдешь безъ руки,... всю ширь моей любви,... всю нѣжность красоты отдамъ Тебѣ, желанный....

БАБУШКА И ВНУКЪ

(Присказка будущаго).

— Ты хочешь, мой родной, о папѣ знать подробно? Какъ жилъ онъ на землѣ, что дѣлалъ,— почему на томъ портретѣ, что въ гостиной, онъ снятъ весь въ орденахъ, съ улыбкой на устахъ?

Ты видишь, справа крестикъ, эмалевый, простой?

Лишь храбрымъ изъ храбрѣйшихъ дается онъ, дитя!

Ты ужъ теперь большой, сегодня восемь лѣтъ, что минуло тебѣ!

Такъ слушай — разскажу о папиной судьбѣ: Твой папа,—мой же сынъ, — былъ славный офицеръ, и крестикъ этотъ бѣлый — въ Артурѣ получилъ.

Въ тотъ годъ, когда на свѣтъ явился ты, желанный,—была война міровъ, какихъ не видѣлъ свѣтъ!

Съ безумьемъ сатаны—порфирный Антихристъ задумалъ дерзко въ Европѣ царствовать одинъ, и взмахомъ выродка-лѣвши, взявъ въ соучастники австрійцевъ, на сербовъ, братьевъ нашихъ, онъ ринулъ пьяные полки.

Жестокій врагъ!

Забывъ Христа, всей Истины завѣты, жегъ подло все кругомъ, томимый жгучей злобой; и вся краса, что дали намъ народы, ввергалась имъ въ пучину темноты!

Ни крики матерей, ни стариковъ отжившихъ, ни кладезь красоты въ ваяньѣ и искусствахъ, что свѣтомъ вѣчнымъ людямъ блистали намъ вѣка, — ничто не размягчало изъ камня сердце палача!

Нашъ Государь—защитникъ сирыхъ, Державный Вождь, Первѣйшій изъ славянъ — не далъ безумцамъ этимъ свершить свою мечту.

Онъ кликнулъ кличъ — и сотни тысячъ славчыхъ—героевъ Родины—за правду вышли въ бой!

Изъ первыхъ былъ—отецъ твой, милый внучекъ.

Повелъ онъ полкъ испытанныхъ стрѣлковъ.

Когда въ разгаръ той битвы коварный врагъ со скрежетомъ зубовъ, съ отравой подлою въ снарядахъ, съ коварствомъ гіенъ и хитростью рабовъ—со всѣхъ концовъ героевъ окружилъ, — когда послѣдній воинъ изъ славной стаи той предсмертно погибалъ, — онъ, твой отецъ, схвативъ руками знамя, на грудь его проворно возложилъ!

И съ крикомъ мощнымъ, предсмертнымъ и святымъ—онъ прямо ринулся на жерло вражей пушки!

Грянулъ выстрѣлъ — и отца, дитя, отца уже не стало!...

Его въ куски по полю разнесло!...

Но съ тѣломъ славнымъ героя, вѣрнаго Царю, побѣдный врагъ не могъ найти ни нитки отъ знамени погибшаго полка!

Не плачь, дитя!

Ты видишь—сколько горя мои глаза проплакали всю жизнь?!

Какъ я стара, морщиниста, слаба!

Но лишь о сынѣ я, героѣ, вспоминаю,—вотъ какъ теперь,—и плачу, какъ и ты, то знай, что слезы эти—лишь слезы радости и счастья полноты!

Молись внучекъ и плачь передъ Христомъ!

Проси Его—съ надеждой въ дѣтскомъ сердцѣ, съ слезами радости, съ экстазомъ красоты, чтобъ Боженька-Отецъ, когда большимъ ты будешь, пославъ тебѣ съ небесъ кончину какъ и ту, — кончину славную, пріялъ что твой отецъ!

ПОХОДЪ НА БАСУРМАНА.

(Старинная былина на новый ладъ).

То не буря-гроза собиралися, то не громы-суровы встрѣчалися, то не молнья сверкала чудесная, и не сила могуче-небесная! Басурманъ на землю, на крещеную, на Рассеюшку-мать неученую,—православную, христiанскую, вѣкодавнюю да крестьянскую, силой видимой и невидимой, да съ пищалями дальнобойными и съ народами подневольными,— австрiяками и туречиной, всякой псиною и смердечиной, точно съ дьяволомъ побратался онъ,— захотѣлъ онъ Русь да забрать въ полонъ.!

Съ дикимъ посвистомъ, звѣрскимъ хохотомъ, рать за ратью шла съ гамомъ-грохотомъ, будто снѣжный комъ умножаючись, — какъ лиха - бѣда приключаючись.

Храмы Божiи сожигалися, нивы тучныя истопталися,—надъ святынями надругалися: православные—диву дalися!

Ни старымъ людямъ, ни хозяюшкамъ, ни малымъ дитямъ,—всѣмъ крестьянушкамъ не давалося, имъ, пощадушки!

Смолкли пѣсенки.

Ой, дидъ, ладушки!

Горе горькое по селамъ пошло, по селамъ пошло, въ ворота вошло.

Гдѣ ты силушка богатырская? Гдѣ ты—Муромецъ свѣтъ, Илья отецъ? Гдѣ Микула нашъ Селяниновичъ? Гдѣ Алеша, ты, нашъ Поповъ—хитрецъ? Гдѣ Добрынюшка—мощь боярская? Слава мiрская, что о васъ пошла громко по свѣту, за моря зашла, звонко по вѣтру?

Ой, вы, гой еси, добры молодцы! За царя, за Русь, за народъ честной, да за Крестъ Христовъ, за Него, святой, собирайтесь вы,—силой, удалью удальцы земли да помѣряться, съ Васькой-нехристемъ порасправиться!

Порасправиться съ татью вражеской!
Позабавиться съ ратью дьявольской!

То не колоколъ прозвучалъ въ тиши, въ Новоградѣ встарь, да на площади! То не вѣча зовъ, не костра огни, что сзывали людъ, да со всѣхъ концовъ—лишь бѣда пришла, приключилася—и лиха она оказалася! Слово Царское и Державное отъ конца въ конецъ прокатилося, слово ласково-православное по земли-лицу обернулося:

„Ай, вы людъ-людской,—слуги вѣрные,—врагъ и золъ и лютъ,робитъ скверное!

По землѣ идетъ, по сторонушкѣ, полонитъ онъ скотъ, да убійствуетъ!“

Собрались дьяки въ Думу думати.

Какъ бѣдѣ помочь, поразмыслили, паки Господу помолилися, къ ночи молвили словеса свои,—тако:

„Весь народъ честной,—всѣ,кто вѣруетъ въ Бога Господа, въ Святу Троицу,—кто съ серпомъ, косой и тому не слѣдъ на печи лежать,—за околицу выходи скорѣй, бабы съ граблями,—всѣмъ найдется намъ дѣло страдное, дѣло спорое и отрадное“!

Закипѣло все, будто въ пасѣкѣ, словно рои пчелъ, зароилися,—то народъ пошелъ, вышли въ поле всѣ: вышли старъ и малъ въ поле ратное!

Не дубрава шумитъ заповѣдная, не заря послѣ ночи побѣдная на востокѣ огнемъ разгорается, яркимъ полымемъ подымается! То не вѣтеръ-буранъ собирается; не береза во полѣ качается! То-не море—могучее—бурное, то не туча надвинулась хмурая.

Ополчилась вся Русь православная, Русь рабочая и нарядная, и приказная, да и хлѣбная.

Вся пошла она проучить вора, проучить вора, научить ума,—чтобъ не лѣзъ онъ къ намъ больше николи, чтобы шелъ онъ, бѣсъ, глазъ хоть выколи въ темноту свою фатерлянскую, повернулъ бы вспять онъ въ страну свою распроклятую, басурманскую!

ДВѢ СУДЬБЫ.

I.

— Разскажи-ка, дядя Власъ,
Какъ у басурмана?
Чѣмъ кормили плѣнныхъ васъ?
Баютъ, что погано!
Такъ солдатикъ молодой,
Вопрошалъ сосѣда,—
Запасного съ бородой,
Съ виду—будто дѣда.
— Охъ, голубчикъ мой, родной,
Говорить нѣтъ мочи:
Видишь—дряхлый и больной.
Въ сердцѣ—хуже ночи!
— Былъ такой-же молодецъ
— Я до вражья плѣна,
— А теперь ужъ не жилецъ—
— Вышла перемѣна!
Не работникъ для семьи.
Вижу—непонятно?
Для чего-же въ строй, скажи,
Повернулъ обратно?
— Для того, чтобъ окаянный—
— Нѣмецъ некрещеный,
— Что явился къ намъ нежданный,
— Убѣжалъ—клейменный.
Чтобы этой, вотъ, рукой,
Что одна осталась,
Нѣмца съ подлою душой
Задушить удалось!
— Чтобъ еще одинъ хоть разъ
— Богъ привелъ бы Власу
— Нѣмцу сдѣлать пересказъ
— За терпимость нашу!

— Ты узнать, родной, хотѣлъ,
— Чѣмъ они насъ кормятъ?
— Песъ бы этого не съѣлъ!
— Ну да это вздоръ, братъ!
— Есть о чемъ поразсказать
— Поважнѣй ѣды-то!
— Вотъ какъ станутъ подымать
— На канатъ для пытокъ,
— Или въ клѣткѣ, какъ звѣрей,
— Помѣстятъ несчастныхъ,
— Безъ оконъ и безъ дверей,
— Плѣнниковъ безгласныхъ!
— А потомъ... до крови бьютъ,
— Бьютъ по чемъ попало,
— Да въ лицо еще плюютъ,—
— Говорятъ, что мало!
— Эхъ! нельзя забыть во вѣкъ,
— Что въ плѣну творится!
— Какъ нашъ русскій человѣкъ
— Въ подлости томится!
— Вспоминать я не могу,
— На душѣ такъ тяжко!
— И одно тебѣ скажу—
— Вѣрь мнѣ, Николашка:
— Упаси тебя Господь
— Плѣна!—Это черти!
— Бейся съ ними во всю мочь,
— Бейся—и до смерти!

———

II.

Я Вамъ пишу, моя Амалья,
Изъ плѣна русскихъ дикарей.
Здѣсь, правда, климатъ—не Италья
И страшныхъ множество звѣрей...
Но Вы за Франца не волнуйтесь!
Онъ будетъ цѣлъ и невредимъ.
Со мной въ мечтахъ Вы поцѣлуйтесь.
Я разскажу, что мы ѣдимъ:
На утро, такъ, въ часу девятомъ
Намъ подаютъ горячій чай;
Мы пьемъ его хотя съ цукатомъ,
Но есть къ нему печенье „Пай“.
Затѣмъ туалетъ, горячья ванна,
Затѣмъ—прогулка въ городокъ,
Передъ обѣдомъ—кашка манна,
И земляничный сокъ.
Обѣдъ—нельзя сказать отличный,
Супы лишь съ мясомъ и водой;
Ну,—супъ, скажу Вамъ, супъ типичный,
Названье „щи“,—совсѣмъ простой!
Затѣмъ цыпленокъ, иль котлетка,
Къ сему—гарниръ, варенье, квасъ.
Повѣрьте, милая кокетка,
Я мало ѣмъ въ мечтахъ о Васъ!
На третье—такъ, пустякъ какой-то
Безэ, пирогъ, иль блянъ-манже;
Вѣдь Вы воскликнете: „а мой-то!
Ѣстъ, пьетъ, не вспомнитъ о женѣ“!
Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ это не мѣшаетъ
О Васъ и думать, и мечтать!
Терпѣнья, если Вамъ хватаетъ,
Прошу письмо Васъ дочитать!

Итакъ—обѣдъ оконченъ скудный,
Иду я въ спальню отдыхать;
Затѣмъ—опять настанетъ нудный
Часъ ужина—опять вставать!
    Тамъ чай опять; на поглядѣнье
    Кто-либо изъ купчихъ-дѣвицъ
    Придетъ и принесетъ варенье,
    Табакъ, конфектъ, иль битыхъ птицъ.
Майнъ Готтъ! Скажу безъ завѣренья,
Я исхудалъ, я изнемогъ!
Въ Россіи жить—одно мученье,
И жить бы здѣсь одинъ не могъ:
    Но, если скоро до побѣды
    Нашъ кайзеръ доведетъ войну,
    Всѣ прекратятся наши бѣды,
    И я сюда Васъ привезу.
Здѣсь хлѣба купите вы вдоволь,
Есть молоко, и масло есть;
Начнется мѣсяцъ нашъ медовый,
И сладко будете Вы ѣсть!....
    Забылъ сказать еще Вамъ новость;
    Здѣсь денегъ—куры не клюютъ;
    И за нѣмецкую толковость
    Всѣмъ нѣмцамъ денежки даютъ.
За трудъ даютъ вознагражденье;
Я ихъ немедля Вамъ пришлю,
А Вы съ отмѣннѣйшимъ почтеньемъ
Снесите кайзеру въ казну.
    Цѣлую ручки, шлю поклонъ.
    Вашъ мужъ—
        фонъ-Циглеръ-фонъ-Шпіонъ.

ВЪ ТЫЛУ.

По градамъ, далекимъ весямъ,
По чугункѣ, большаку
Ѣздитъ людъ, носы повѣся,
Волю давши языку.
— „Вѣрно, слышала, Петровна?
— Врагъ спѣшитъ уже къ Москвѣ!
— Что ты, что ты! Съ неба словно
— Ты свалилась—не въ себѣ!
— Онъ въ Москвѣ уже съ недѣлю
— На Сибирь давно поперъ!
— Охъ! въ солдаты, знать Емелю
— Сына сдать должно въ наборъ.
На другой скамейкѣ тоже
„Дѣльный“ слышенъ разговоръ:
Два дѣльца, милліоны множа,
О поставкахъ „жарятъ“ споръ.
На базарахъ, въ магазинахъ,
Въ кабакахъ на разный ладъ,
Да въ хоромахъ, мезонинахъ
Говорятъ.... все говорятъ...
Эхъ, славянская натура!
Гей, ты, русская душа!
Какъ близка своя-то шкура,
Далека Руси нужда!
А въ окопахъ ладитъ дѣло
Русскій пахарь, скрывши вздохъ...
Защищаетъ грудью смѣло
Русь безъ дальнихъ, глупыхъ словъ!

———

ВЪ ЛУННЫЯ НОЧИ...

I.

Въ лунныя ночи, зимнія ночи
Сердце о чемъ-то болитъ.
Слышатся рѣчи, свѣтятся очи,
Грезится прелесть ланитъ.
Голосъ любимый... теплыя ручки...
Трепетъ высокой груди...
Мѣсяцъ укрылся за кружева—тучки,
...Алыя губки близки...
Кони летятъ по безбрежному полю,
Снѣгомъ обдавъ сѣдоковъ.
Эхъ! Кабы волю мнѣ, вѣчную волю,
Грезу ласкающихъ сновъ!

II.

...Вновь эти ночи, ясныя ночи,
Томные взгляды луны;
Только зачѣмъ мнѣ не грезятся очи,
Нѣтъ трепетаній груди?
Тихо иду я дорогой скрипящей
Въ синихъ морозныхъ лучахъ,
Какъ зачарованный, улицей спящей
—Радость замершая въ снахъ!
Грустныя мысли о счастьи далекомъ
Душу больную тѣснятъ.
Гдѣ вы мечтанья? Свѣтятъ намекомъ,
Сердце надрывомъ щемятъ!

ЛЮБОВЬ.

Когда любовь охватитъ васъ порывомъ,
Когда весь міръ покажется вамъ сномъ,
Когда плутишка-соловей въ красивыхъ переливахъ
Мечту о „ней“ разскажетъ подъ окномъ...

Когда сирень вновь зацвѣтетъ прелестно,
И пелена цвѣтовъ луга покроетъ вновь,
И солнца лучъ все оживитъ чудесно,
— Не бойтесь прошлаго! Его умчитъ любовь!

Съ душою искренней и съ трепетомъ сердечнымъ
Тянитесь вновь къ источнику красы!
Забудьте скорбь; забудьте, что не вѣчны,
И вновь сложите гимнъ красавицѣ—любви!

СИМОЧКА

(Рождественскій расказъ).

Это было въ госпиталѣ, во Львовѣ.

Въ палатѣ, гдѣ насъ было около двѣнадцати человѣкъ, часто смѣняющихся, ибо каждую недѣлю пріѣзжала комиссія, которая свидѣтельствовала всѣхъ, послѣ чего рѣшала нѣкоторыхъ эвакуировать въ глубь Россіи, рядомъ съ моей койкой лежалъ прапорщикъ П. Уже пожилой человѣкъ, съ серебромъ въ густыхъ волосахъ, съ рѣзко очерченнымъ профилемъ, худощавый и высокій, первое время онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе. Угрюмо сосредоточенный и молчаливый, онъ думалъ свою думу и не сходился ни съ кѣмъ.

Близкое сосѣдство наше, однако, не давало ему возможности замкнуться въ себя окончательно, а мелкія услуги, которыя я ему невольно оказывалъ—вродѣ одолженія спичекъ, газеты, папиросы—повели къ тому, что мы разговорились.

Повидимому, жизнь его была полна неожиданностей и приключеній, и черезъ нѣкоторое время онъ довѣрчиво сталъ разсказывать оригинальные эпизоды изъ нея.

Въ одну изъ безсонныхъ ночей, когда казенная обстановка больничной палаты особенно тревожно дѣйствовала на нервы, за стаканомъ жидкаго и холоднаго чая мы разговорились особенно откровенно.

И вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ:

— Это было не такъ давно, и я уже былъ въ лѣтахъ.

Вы видите, что теперь я уже человѣкъ отжившій и на жизнь смотрю съ недовѣріемъ и грустью.

Сцены тяжелыхъ боевъ рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти и, думаю, что остатокъ дней моихъ едва-ли можетъ быть радостенъ и пріятенъ. Но въ то время я еще не разувѣрился въ жизни, и она мнѣ казалась сочно-красочной и привлекательной.

Я и моя жена—мы бездѣтны—жили въ именуемомъ нынѣ Петроградѣ, а ранѣе Санктъ-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, и снимали двѣ комнаты у своихъ дальнихъ родственницъ.

Семья состояла изъ двухъ старушекъ—сестеръ, и ихъ внучки, хорошенькой и жизнерадостной Симочки. Эта семья была небогата, но въ тѣ времена отлично сводила концы съ концами. Вы помните, что еще недавно можно было легко жить въ столицѣ, въ особенности на Васильевскомъ островѣ, и, не тратя много денегъ, существовать довольно сносно.

Мои хозяева-старушки были большія хлопотуньи и милѣйшія женщины. Онѣ берегли свою Симочку, какъ зеницу ока, и старались всѣми силами доставить ей пріятную жизнь.

Надо признаться, что Симочка была вполнѣ этого достойна.

Семнадцатилѣтняя дѣвушка, она была разумна не по лѣтамъ.

Всегда ровная, ласковая да привѣтливая, она отвѣчала своимъ воспитательницамъ такой же глубокой взаимной любовью и старалась ихъ ничѣмъ не огорчать.

Еще совершенный ребенокъ, хорошенькій и изящный, она обѣщала развиться въ роскошную женщину, обаятельную и восхитительную!

Какой счастливый человѣкъ будетъ ея мужемъ,—часто думалось мнѣ!

Какъ нѣжны будутъ ея первыя ласки, какъ сладки будутъ ея поцѣлуи, какую гамму переживаній дастъ она, цѣломудренная и робкая, посте-

пенно развиваясь въ женщину страстныхъ порывовъ...

Не улыбайтесь такъ подозрительно!

Скажу откровенно,—дѣло прошлое—эта дѣвочка нравилась мнѣ съ каждымъ днемъ все больше и больше и,—грѣшный человѣкъ,—я часто ловилъ себя на жгучей ревности къ будущему ея мужу.

Я зналъ, что думаю скверно, что я, солидный и женатый человѣкъ, не долженъ глядѣть на Симочку другими глазами, какъ глазами ея доброжелателя... но!

Сами знаете человѣческую натуру!

Да, кромѣ того, Симочка относилась ко мнѣ такъ дѣтски просто, такъ безсознательно кокетничала со мною, что страсть моя, помимо моей воли, разгоралась съ неудержимой, бурной силой.

Для Симочки я былъ „дядей Мишей", хорошимъ, добрымъ дядей Мишей, всегдашнимъ ея товарищемъ, спутникомъ въ театры и на прогулки, собесѣдникомъ и даже наставникомъ. Это постоянное общеніе съ нею, прикосновеніе къ ея точенымъ ручкамъ, ощущеніе ея близости, лицезрѣніе ея изящной фигурки, ея личика, все это дѣлало меня выбитымъ изъ покойной колеи, смущеннымъ и... даже глупымъ.

Мои хозяйки-старушки этого не замѣчали, ибо слишкомъ серьезно смотрѣли на меня. Симочка, очевидно, не допускала мысли, чтобы старый дядя Миша могъ глядѣть на нее, какъ на прекрасную женщину,—да и по наивности своей и кристальной чистотѣ едва-ли сознавала, что людямъ свойственно любить, страдать, мучиться страстью...

Зато супруга моя, доложу я вамъ, съ которой я прожилъ второй десятокъ лѣтъ, стала глядѣть на меня весьма подозрительно!

За нашу долгую совмѣстную жизнь она изу-

чила меня достаточно тонко и во время моихъ гастрольныхъ поѣздокъ (вы, навѣрно, догадались, что я былъ актеромъ) она перестрадала не мало.

Вы знакомы, навѣрное, съ нашей кочевой жизнью, поѣздками, полными неожиданностей, подчасъ горькихъ неудачъ и разочарованій, подчасъ головокружительнаго успѣха, театральнаго запоя неожиданныхъ встрѣчъ, вихря страсти, провинціальнаго флирта, отъ обожанія гимназистокъ, робкихъ и часто цѣломудренныхъ, до дикой страсти губернскихъ львицъ, бросающихся, сломя голову, въ объятья театральнаго героя.

Я сцену любилъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ былъ недуренъ, а потому поѣздки мои были связаны съ интересными случайностями, что доставляло женѣ моей не мало страданій. Она отлично замѣчала, когда я становился нервнѣе, экспансивнѣе, жизнерадостнѣе.

По мелкимъ признакамъ, незамѣтнымъ для посторонняго, по блеску моихъ глазъ, нервному похрустыванью пальцевъ, оживленности рѣчи она безошибочно рѣшала, что я увлеченъ и начинала страдать глухо, скрыто, безъ жалобъ и упрековъ.

И, странное дѣло! Почти всегда ея безмолвность заставляла меня въ рѣшительную минуту опомниться,—и я возвращался къ ней съ повинной головой.

Такъ и на сей разъ она замкнулась въ себя, и по горестной складкѣ возлѣ губъ, по нервному подергиванью вѣкъ я замѣчалъ, что она страдаетъ и видитъ захватившую меня страсть.

А я, заглушивъ въ себѣ всѣ доводы благоразумія, несся по наклонной плоскости, и любовь моя къ Симочкѣ, еще недавно робкая и тихая, разрослась въ душѣ моей яркимъ пламенемъ, и пожаръ этотъ сталъ полонить все мое существо.

Порою казалось, что милая дѣвочка тоже стала увлекаться мною, внимательно относясь къ каж-

дому слову „дяди Миши", что она ищетъ еще болѣе тѣснаго сближенія, скучаетъ, когда я отсутствую, радуется встрѣчѣ со мною, начинаетъ сознательно любить меня.

Эхъ, доложу я вамъ, что это за магическое слово „любовь"!

Достаточно восчувствовать эту самую „любовь", и какая духовная сила внѣдряется въ васъ!

Какими славными глазами смотришь на всѣхъ людей, какими радостными чувствами, туманомъ довѣрчивости и доброжелательства обволакиваешь повседневную жизнь!

Вы скажете, влюбленный—это дуракъ!

Можетъ быть!

Но дуракъ этотъ—не злостный, не вредный, а хорошій, готовый сдѣлать на каждомъ шагу добро, пріятное даже незнакомому встрѣчному. И ходитъ этотъ дуракъ самъ не свой, не замѣчая кривляній жизни, интригъ и подлостей людей, улыбаясь и прославляя вселенную.

Вотъ такимъ то восторженнымъ „дуракомъ" сталъ и я, затуманенный своей безмысленной любовью...

Однажды...

Охъ какъ тяжело это вспомнить! Ну, да разоткровенничался съ вами, такъ надо довести до конца!

Итакъ, доложу я вамъ, однажды, въ скверный осенній день,—вы какъ столичный житель знаете эти дни, промозглые и отвратительные,—я долженъ былъ поѣхать на Пороховые по дѣлу. Цѣлый день пробывъ въ отсутствіи, въ настроеніи подавленномъ, я не сдѣлалъ дѣла и вернулся къ вечеру домой. Какая-то безпричинная грусть, тяжесть на сердцѣ, мрачныя думы и страсть, жгучая и захватывающая страсть къ Симочкѣ угнетали меня весь день и напрягали мои нервы до состоянія утонченной вибраціи...

Я проклиналъ себя за свое отсутствіе изъ дому и рисовалъ картины, одна другой мрачнѣе и печальнѣе...

То представлялось мнѣ, что Симочка, выйдя одна, попадастъ подъ конку и ее, блѣдную и безжизненную, везутъ въ санитарной каретѣ... То она, переходя по Николаевскому мосту, перегибается черезъ перила и падаетъ въ студеную воду...

То пристаетъ къ ней какой-то молодой нахалъ, и что ужаснѣе всего, красивый, и своими рѣчами смущаетъ Симочку и заставляетъ ее смѣяться и мило отвѣчать...

Повѣрите-ли, никогда не выдавалось такого сквернаго дня, и я, измученный и разбитый нравственно и физически, явился домой.

Предчувствія меня не обманули. Правда, что съ Симочкой не произошло ничего плохого, но она отсутствовала. За ней пришла подруга и увела ее на товарищескую „танцульку".

Итакъ, она сейчасъ несется въ вихрѣ нѣжнаго вальса подъ томную, ласкающую музыку въ объятіяхъ какого-нибудь шалопая, который смотритъ ей въ глаза, сжимаетъ ея талію, держитъ за теплую ручку. Ихъ головы приближаются другъ къ другу, ея свѣтлые, душистые локоны ласкаютъ мужскую бритую щеку...

Меня охватила ревность, обидная, горькая до слезъ, до рыданій.

Я не утерпѣлъ и, узнавъ отъ старушекъ адресъ, помчался за Симочкой.

Достигнувъ указаннаго дома, я послалъ швейцара въ квартиру и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ Симочку, спускавшуюся съ лѣстницы въ знакомомъ салопчикѣ и голубомъ капорѣ. Лицо ея, милое и такое для меня близкое, свѣтилось оживленіемъ, молодостью и счастьемъ, глазки были веселы и привѣтливы. Она радостно со мною

поздоровалась и оживленно стала разсказывать, какъ ей было весело. Я съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ ея щебетанье, старался уловить въ словахъ ея невольную симпатію къ кому-либо изъ недавнихъ кавалеровъ, но рѣчь ея была чиста, и невинное веселье—сквозило въ словахъ ея...

Я бережно подсадилъ ее на извозчика, обнялъ дрожащею рукою гибкую талію и жадно всматривался въ лицо, такъ живописно глядѣвшее изъ голубого капора.

Я не замѣчалъ, что липкій, холодный дождь захлестывалъ за поднятый верхъ экипажа, что пальто мое растегнуто и холодъ, осенній, упорный и настойчивый, пронизываетъ меня насквозь, что Симочка тоже сидитъ, прижавшись ко мнѣ, не застегнувъ бѣлѣвшей, открытой шейки. Я только видѣлъ ее одну, сознавалъ, что она рада „дядѣ Мишѣ“, что ей хорошо съ нимъ, лучше, чѣмъ на дурацкой „танцулькѣ“ съ пошлыми кавалерами. Я упивался ея словами, музыкой ея серебристаго голоса и мечталъ, какъ глупый, влюбленный мальчишка, мечталъ о возможности нашего будущаго счастья, о ней, какъ о законной моей женѣ, моемъ кумирѣ, моей тихой, красивой пристани...

Какъ вы увидите дальше, мои грѣшныя мысли имѣли возмездіе, и Богъ покаралъ меня за мою гордыню...

Итакъ, мы доѣхали домой, упоенные другъ другомъ, полные духовнаго пониманія, безграничнаго довѣрія и соотвѣтствія, и скверная ночь эта пріобрѣла для меня значеніе торжественное и великое.

Я твердо рѣшилъ съ этого момента начать разводъ, доказать женѣ своей необходимость этого, и начать новую жизнь, свѣтлую и полную глубокаго смысла.

И я, старый дуракъ, вѣрилъ этому счастью, вѣрилъ еще въ свои силы, въ мощность своего духа, въ крѣпость своей воли.

Мой собесѣдникъ глубоко задумался, держа въ рукѣ потухшую папиросу и мысленно переносясь къ прожитому далекому прошлому.

— А дальше, доложу я вамъ,—промолвилъ, очнувшись, П.,—было все крайне трагично и, главное, что событія смѣнялись съ головокружительной быстротой.

На другой день, только я подготовился начать тяжелый разговоръ съ женой, къ намъ постучали, и одна изъ старушекъ, напуганная и растревоженная, сообщила что у Симочки жаръ, и она не можетъ встать съ постели.

Я бросился за докторомъ, который, осмотрѣвъ выстукавъ, и выслушавъ Симочку, сообщилъ, что она простудилась, и что простуда не внушаетъ никакихъ опасеній. Но, несмотря на принятыя мѣры, съ каждымъ днемъ бѣдной дѣвочкѣ становилось хуже. Всѣ домашнія сбились съ ногъ, ухаживая за нею. Въ нашей маленькой квартиркѣ, гдѣ еще такъ недавно царили довольство, кипучая жизнь, веселье и смѣхъ, на сей разъ появились уныніе, растерянность, горе...

Въ комнатахъ пахло лекарствами, и въ опущенныхъ шторахъ, полушопотѣ, хожденіи на цыпочкахъ таилось настроеніе, которое обычно воцаряется при тяжко больномъ. Пріѣзжали доктора, составлялись консиліумы,—все было тщетно. Доктора вступали въ диспуты, качали головами, прописывали цѣлыя сочиненія, а моя Симочка таяла, какъ восковая свѣча. Простуда перешла въ загадочное осложненіе, и было ясно, что Симочка гаснетъ отъ скоротечной чахотки. Я впалъ въ страшное отчаяніе, и вся моя любовь и преступная страсть перешли въ глубочайшую жалость, жалость болѣзненную и безысходную къ молодому

существу, которому жизнь улыбалась такъ радостно и широко. Моя жена, забывъ свои тревоги и надвигавшееся горе, окружила меня заботами и нѣжностью, но я не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Я превратился въ отмѣнную сидѣлку и все время проводилъ у кровати тяжко больной.

Въ одинъ изъ печальныхъ вечеровъ, это было наканунѣ сочельника, когда столичная жизнь, и такъ кипучая и порывистая, приняла оттѣнокъ бурливаго клокотанія, когда предпраздничная сутолока превращается въ скачки съ препятствіями, и шумъ улицы настойчиво проникалъ сквозь плотныя занавѣски и будилъ напряженную тишину, моя Симочка лежала безъ движенія, и только по лихорадочно блестѣвшимъ глазкамъ, по неестественному румянцу на прозрачномъ, съ голубыми жилками; лицѣ можно было заключить, что жизнь еще борется съ костлявыми объятіями смерти. Она была настолько слаба, что уже нѣсколько дней не могла произнести ни слова.

Я сидѣлъ у изголовья и, углубившись въ свои мрачныя мысли, забылъ всѣ свои недавнія грезы и тихо шепталъ забытыя слова молитвы.

И вотъ, въ тотъ моментъ, когда я, устремивъ безнадежный взоръ на темный и загадочный ликъ Спасителя, безсознательно складывалъ свое моленіе, какъ ребенокъ, по своему выливая свои религіозныя чувства въ своеобразную форму, я услышалъ тихій, но ясный шопотъ: „Дядя Миша“.

Я быстро отряхнулъ оцѣпенѣніе и бросился къ Симочкѣ.

— Милый, дядя Миша, продолжала шептать она,—скоро, кажется Рождество.

— Да, Симочка, черезъ два дня.

— Дядя Миша, хорошій мой, сдѣлай мнѣ большую радость.

— Все, что хочешь, Симочка, все, что даже мнѣ невозможно.

Она ласково, нѣжно улыбнулась и продолжала: Я хочу, дядя Миша, какъ можно больше свѣта. Я хочу чтобы ты сѣлъ ко мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ близко и сталъ бы мнѣ читать Евангеліе. Достань восковыхъ свѣчей, зажги ихъ много, много, чтобы было радостно и свѣтло какъ на небѣ!..

Несмотря па странную просьбу, я страшно обрадовался, что Симочка пришла въ себя и заговорила, и, бросившись въ ближайшую церковь, принесъ десятка два тонкихъ, восковыхъ свѣчей.

Я ихъ прилѣпилъ на божницу, на столъ, на подоконники, карнизы, стулья, гдѣ только могъ. Симочка слѣдила за мною съ радостнымъ вниманіемъ и, молча, поощряла меня слабой улыбкой.

Странную картину представляла собою комната!

Два десятка тонкихъ свѣчей, къ которымъ мы съ малолѣтства привыкли, какъ къ аттрибутамъ церковнымъ, горѣли спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ и освѣщали изящный дѣвичій будуардъ какими-то теплыми, ясными волнами.

Едва замѣтное колебаніе ихъ пробѣгало легкой вибраціей по лику Спасителя, по восковому лицу Симочки и оба эти изображенія Богочеловѣка и приближавшагося къ Нему ребенка имѣли странное соотвѣтствіе.

Я быстро кончилъ приготовленія и, взявъ Евангеліе, открылъ его наугадъ.

Передъ тѣмъ, какъ начать читать, Симочка, пристально слѣдившая за всѣми моими движеніями, еще разъ собралась съ силами и прошептала „Дядя Миша, когда я буду умирать, поцѣлуй меня въ глаза; я хочу проститься съ тобой послѣднимъ!..“

Я, едва сдерживая рыданія, принялся за чтеніе.

И удивительное, доложу я вамъ, охватило меня настроеніе. Я никогда до этой поры не отличался

особой вѣрой. Отбывалъ обряды православнаго человѣка, какъ это принято,—ходилъ въ церковь, исповѣдывался, встрѣчалъ Свѣтлую заутреню,—но никогда я не чувствовалъ себя такъ близко къ Божественному, какъ въ эти незабвенныя минуты, около умирающей, чистой дѣвушки.

Евангеліе я открылъ на главѣ XVIII отъ Матѳея, и каждое святое слово до удивительности подходило къ милому ребенку—Симочкѣ.

Тогда я былъ сильно взволнованъ, и слова съ проникновенной вѣрою и мистическимъ экстазомъ лились изъ устъ моихъ сами собою, но теперь, когда я хладнокровно и сознательно переживаю эти моменты и перебираю каждую мелкую деталь, мнѣ становится яснымъ, что тогда мною владѣла какая-то необъяснимая сила охватившая все существо мое.

Я такъ зачитался, что не обратилъ вниманія, какъ свѣчи стали догорать, и яркое горѣніе ихъ перешло въ потрескиванье и копоть.

Я пришелъ въ себя, когда жена стала трясти за руку, и черезъ минуту вся квартира огласилась плачемъ и истерикой старушекъ и прислуги. Оказалось, что подъ мѣрное мое чтеніе Симочка тихо почила...

Я не скажу, чтобы я присоединился къ рыданіямъ женщинъ. Мои нервы за два мѣсяца достаточно притупились, и я уже привыкъ къ мысли потерять Симочку. Но сознаніе, что я упустилъ моментъ ея смерти, что я не исполнилъ ея желанія и не запечатлѣлъ на ея очахъ прощальнаго поцѣлуя до того разстроило меня что я, схвативъ шапку и кое-какъ накинувъ шубу, выбѣжалъ изъ квартиры.

Я не сумѣю сказать, гдѣ я бродилъ цѣлыя сутки.

Тупое безразличіе къ жизни, безпросвѣтныя потемки, увѣренность, что я потерялъ нѣчто та-

кое безцѣнное, что закроетъ мнѣ всю дальнѣйшую прелесть жизни,—все это затемнило мнѣ разсудокъ, и я близокъ былъ къ полному помѣшательству.

Наконецъ, къ вечеру — это былъ Сочельникъ, великая и радостная Ночь я опомнился и рѣшилъ вернуться домой.

Когда я позвонилъ, и мнѣ открыли двери, я былъ почти удивленъ, когда ощутилъ пряный запахъ ладана.

Въ гостиной съ убранными по стѣнамъ стульями и закрытыми темной матеріей окнами по рединѣ стоялъ бѣлый глазетовый гробъ на возвышеніи, по угламъ котораго теплились высокія свѣчи.

Въ гробу лежала Симочка, и на спокойномъ, прекрасномъ лицѣ ея играла, какъ мнѣ показалось, радостная улыбка.

Въ изголовьи былъ поставленъ аналой, и молодая монашенка со скорбнымъ лицомъ читала Псалтырь. Монотонный, немного надтреснутый голосъ глухо журчалъ и нарушалъ покой усопшей.

Я тихо тронулъ монашенку за рукавъ и сдѣлалъ движеніе, прося оставить меня одного.

Она отдала мнѣ низкій поклонъ и безшумно удалилась.

Я тщательно заперъ дверь и рѣшилъ сосредоточенно помолиться, чтобы исполнить обѣщаніе, хоть и запоздавшее, и проститься съ дорогой покойницей.

Было уже поздно, и въ домѣ всѣ, повидимому, спали. Цѣлый день былъ полонъ хлопотъ и горестныхъ заботъ, и старушки-хозяйки съ моею женою, по всей вѣроятности, свалились съ ногъ.

Вдругъ, въ Исаакіевскимъ соборѣ ударилъ колоколъ, за нимъ заговорили всѣ церкви столицы, и мѣрные, властные удары могучими волнами понеслись въ морозномъ воздухѣ, достигая моего слуха.

Я опустился на колѣни и, коснувшись руками края гроба, со скорбью, которая надрывала мнѣ сердце, воскликнулъ:

„Симочка, прости мнѣ, прости, что я не исполнилъ твоего святого желанія и не простился съ тобою!“

— И вдругъ доложу я вамъ, ясно, какъ можетъ быть только ясна человѣческая рѣчь,—я услышалъ голосъ:

„Прощай, дядя Миша,.,. прощай“...

И это послѣднее „прощай“ вмѣстѣ съ легкимъ колебаніемъ воздуха понеслось все дальше, и дальше, и слилось съ мощнымъ, волнующимъ колокольнымъ звономъ....

МАЛЮТКА НОВЫЙ ГОДЪ

(Сказочка для дѣтей).

Когда дѣдушка Старый Годъ, дряхлый и сѣдой, съ трясущимися ногами, съ застывшимъ ужасомъ въ старческихъ глазахъ взялъ меня за руку и повелъ, мнѣ сдѣлалось жутко....

Я только что родился, и такъ какъ всѣ мои родственники живутъ только 365 дней, за исключеніемъ меня, происходящаго отъ другой линіи— Високосныхъ, которымъ дана привилегія жить на одинъ день больше, — я въ нѣсколько часовъ подросъ уже настолько, что мысль моя стала работать, какъ у взрослаго. Я чувствовалъ, что у дѣдушки недаромъ дрожатъ ноги, недаромъ глубокія складки бороздятъ его худое лицо, а старческіе, потухающіе глаза еще искрятся огнемъ жгучей мести...

Я сознавалъ, что передъ смертью, которая должна была наступить ровно въ 12 ч. ночи, старикъ хочетъ повѣдать мнѣ какое-то тяжкое горе и, какъ послушный внукъ, я бодро поспѣвалъ за его шагами.

Хорошо было въ полѣ!

Пѣвунъ—вѣтеръ пѣлъ свои забавныя пѣсни, а снѣжная мятель, шаловливая и капризная, плясала кругомъ насъ свой быстрый танецъ.

Маленькія снѣжинки радостно обнимали меня и ласково касались моихъ устъ.

Дороги не было видно, но старческая рука дѣда, холодная, полумертвая рука тянула меня настойчиво и упорно.

А вотъ и лѣсъ, привѣтливый, милый лѣсъ, кивающій мнѣ своими острыми верхушками и

простирающій мнѣ свои цѣпкія, покрытыя саваномъ, руки...

Мы дошли до широкой просѣки и вдругъ, по приказу дѣда, мятель стихла, появилась моя сестра—Луна и освѣтила просѣку далеко-далеко...

— Смотри, внучекъ, тихо прошепталъ дѣдъ,— смотри, что дѣдъ оставляетъ тебѣ въ наслѣдство.

— Гляди, родной, гляди зорко, напряги свой острый умъ, помоги ему сердцемъ и, когда я буду умирать, скажи мнѣ свое искреннее слово.

— Скажи старику, что ты сдѣлаешь съ этимъ наслѣдствомъ?

— Успокой меня передъ послѣднимъ моимъ вздохомъ, дай мнѣ свѣтлую минуту за всѣ муки моихъ тяжкихъ дней...

Я понялъ дѣда и съ напряженнымъ любопытствомъ устремилъ свой взоръ въ таинственную просѣку.

Кругомъ таилась мертвая тишина, мои милые друзья—деревья не нарушали сказочнаго обаянія, а сестричка — Луна покрыла широкую просѣку своей синеватой фатой и нѣжно мнѣ улыбалась...

Ровный снѣгъ цѣломудренно блисталъ и искрился, восхищая мой взоръ...

Вдругъ мерзлая земля содрогнулась отъ мощнаго грома, а его подхватилъ на своихъ раскатистыхъ крыльяхъ пересмѣшникъ—эхо.

Упорный, злой громъ возрасталъ, а милый, лѣсъ, тамъ, справа, загорался зловѣщимъ огнемъ—пожаромъ.

Какъ при свѣтѣ тысячи тысячъ елочныхъ свѣчей, просвѣтлѣла длинная просѣка, и вдругъ съ душу раздирающимъ крикомъ, ломая руки, показалась растерзанная, прекрасная женщина.

Дикимъ огнемъ горѣли ея чудныя очи, стихійной волной развѣвались ея густыя косы, а богатое платье было грязно и разорвано, и лохмотья эти были покрыты красными страшными пятнами.

Она упала на снѣгъ и, простирая къ небу руки, застыла въ нѣмомъ отчаяніи.

— *Это Бельгія,*—простоналъ дѣдъ.

Тихими шагами брела вслѣдъ ей простая женщина. Маленькій ребенокъ сидѣлъ у нея за плечами, а другой, серьезный не по лѣтамъ, шагалъ рядомъ. Худыми руками сжимала на груди ветхую шаль и порывистое, тяжелое дыханіе заставляло ее дѣлать частыя передышки. Съ полнымъ скорби взоромъ смотрѣла она вокругъ себя, а сухія, блѣдныя губы набожно шептали слова молитвы...

...*Это Сербія,*—вновь прошепталъ дѣдъ.

Какъ змѣя, извиваясь, съ ужимками и прыжками, поминутно оглядываясь, какъ бы ища поддержки, кралась за нею другая женщина. Недобрымъ, сквернымъ огнемъ шакала горѣли ея подлые, озирающіеся по сторонамъ глаза, гадкой злобой было перекошено лицо, а худое тѣло дрожало отъ холода и трусости.

— *Это Болгарія,*—сказалъ дѣдъ.

За этими странными фигурами появилась толпа, оборванная, страшная толпа стариковъ, женщинъ и дѣтей, въ рубищахъ, страдающихъ отъ холода, голодныхъ, простиравшихъ свои худыя, костлявыя руки къ небу, больныхъ и обезсилѣвшихъ...

Тихіе стоны, скорбныя слава, какъ шопотъ морского прибоя, стихійный и грозящій, заглушали раскаты далекаго грома...

— *Это Польша, Черногорія и бѣженцы,*—молвилъ дѣдъ.

Я больше не могъ выносить этой картины.

Мое молодое, нѣжное сердце обливалось кровью, а злоба, непонятная до сихъ поръ злоба душила меня.

— Дѣдушка, а дѣдушка,—сталъ теребить я старика за руку.—Зачѣмъ ты оставилъ мнѣ такое страшное наслѣдство?

— Я же такъ еще молодъ! Я хочу веселыхъ дней, радостной любви, я хочу свѣтлаго счастья...

— Дѣдушка, скажи же мнѣ!

— Кто принесъ на старую, добрую землю столько зла, ненависти, злобы...

— Кто же? скажи...

Гдѣ-то далеко, за милымъ лѣсомъ башенные часы стали бить полночь. Я бросился къ свалившемуся и хрипѣвшему дѣду и приникъ лицомъ къ его груди...

— Расплатись за это наслѣдство, внучекъ, коснѣющимъ языкомъ прошепталъ дѣдъ.

— Отплати за море людскихъ слезъ, за бурю людскихъ страданій ему... страшному антихристу, гнусному дьяволу... нѣмецкому кайзеру.

— Клянись... внучекъ... клянись!..

— Клянусь, дѣдушка... клянусь и исполню!

И я бросился бѣжать къ ожидающимъ меня людямъ.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ СТЕФАНА ВЕРЕМЧУКА.

Написано по показаніямъ жителей деревни Бабалаки, Волынской губ. Кондрата Ильчука, Семеона Гильчука, Григорія Веремчука, Ефимія Ильчука, Ирины Кугреневской, Филиппа Веремчука, Петра Синицы, Игнатія Краевскаго, Захарія Грома, Ирины Ильчукъ, Маріи Веремчукъ, Іустиніи Веремчукъ, унтеръ-офицеровъ К. полка Трофима Гулакина и Іосифа Мазура и рядовыхъ Митрофана Курчевника и Кузьмы Лукашова.

Кто никогда не бывалъ въ Малороссіи, тотъ не знаетъ, что такое привольная, самобытная деревенская жизнь!

А кто живалъ въ ней, углублялся въ самыя нѣдры ея, дышалъ опьяняющимъ воздухомъ цвѣтущихъ степей, обнималъ взоромъ безконечныя нивы тучнаго жита или весною вдыхалъ нѣжный ароматъ вишневыхъ садовъ, того безконечно тянетъ вновь посѣтить эти милые края, гдѣ мягкая природа съ дивными лунными ночами вдохнула въ душу человѣческую столько нѣжной простоты, естественной поэзіи и картинной красоты.

И удивительное дѣло!

Несмотря на то, что въ богатѣйшую черноземную Малороссію послѣдніе десятки лѣтъ нахлынула масса предпринимателей, которые перепахали ея дѣвственную грудь жестокими, острыми плугами и засѣяли ее самымъ страшнымъ ядомъ—свекловицей, тѣмъ ядомъ, который сушитъ землю, какъ можетъ сушить только злая немочь,—приходитъ весна—и вновь наливается цѣлительными соками благодатная земля и вновь рядится она во всѣ яркіе цвѣта, какъ юная краса—дѣвица.

Фабрики и заводы не могутъ сокрушить не только силу природы,—они не уничтожаютъ даже и внѣшняго облика милаго, хохлацкаго быта.

Поглядите на среднюю Россію.

Гдѣ воцарились фабрики,—тамъ уже появился мастеровой въ „спинжакѣ" и при часахъ. Бабы скинули свои домотканныя панёвы, затѣйливыя, узорчатыя прошивки, повойники и занавѣски и не становятся въ воскресный хороводъ.

Подъ звуки пошлой гармоники фабричная молодежь сосѣдней деревни наровитъ отколоть „польку". И больно видѣть красныхъ дѣвушекъ, русскихъ лебедушекъ, бывало павою плывущихъ въ „русской",—нынѣ кривляющихся въ узкихъ юбкахъ и модныхъ, цвѣтного ситца, кофтахъ.

Не то и понынѣ въ Малороссіи.

Бѣлыя мазанки попрежнему весело мелькаютъ среди тѣнистыхъ садовъ.

Попрежнему выходитъ румяная молодица съ коромысломъ на круглыхъ плечахъ, въ шитой рубашкѣ съ алыми лентами и полосатой „спидницѣ", и попрежнему достаетъ воду „журавлемъ", который весело скрипитъ на всю околицу...

Попрежнему подходитъ къ своей „Оксанѣ" веселый парубокъ „Грицько", и, глядя ей въ дивныя очи, предлагаетъ донести привычную ношу...

Тамъ еще царитъ поэзія, естественная красота, чарующія пѣсни...

Въ одинъ изъ чудныхъ лѣтнихъ вечеровъ, съ четверть вѣка тому назадъ, черезъ большое, богатое село, стоящее на большакѣ, плелась запыленная и бѣдно одѣтая странница, держа за руку ребенка лѣтъ пяти.

Оригинальная была эта пара. Худое, блѣдное лицо молодой женщины носило слѣды глубокаго страданія и горькихъ, сиротскихъ слезъ. Согнутыя плечи и впалая грудь вызывали жгучую жалость, а закрытыя очи, источникъ непре-

станныхъ слезъ, говорили о томъ, что женщина эта слѣпа.

Тѣмъ забавнѣе казалась фигура мальчугана.

Въ большомъ, по уши, картузѣ и съ женскаго плеча кацавейкѣ, въ громадныхъ старыхъ сапожищахъ, карапузъ бодро велъ свою „мамусю", часто вглядываясь въ ее лицо и заботливо предупреждая о дорожныхъ препятствіяхъ.

Эта пара,—старый, да малый,—держала путь изъ Почаевскаго монастыря, съ богомолья, въ родную деревню.

Тяжелая жизнь выпала на долю Маріи Веремчукъ,—такъ звали странницу.

Съ самыхъ малыхъ лѣтъ она не знала ничего, кромѣ горькихъ слезъ и побоевъ. Не помня покойницы—матери, она, маленькая страдалица, работала, не покладая рукъ и все-таки не могла угодить мачехѣ, которая хватала ее за малѣйшую провинность за дѣвичьи косы и била нещадно подчерицу о косякъ двери...

Отъ постоянныхъ слезъ у бѣдной дѣвочки стали наливатся бѣльмы, и мачиха, боясь осужденія сосѣдей, стала засыпать ей глаза тертыми сѣменами гвоздики, отчего къ двѣнадцати годамъ дѣвочка и ослѣпла.

А дальше—вѣчный мракъ, — побои и слезы, опять слезы безъ конца...

Пришла пора—выдали ее замужъ. Она освободилась отъ звѣря-мачехи, но жизнь ея отъ этого не повеселѣла...

Какая же она работница,—и мужняя жена—слѣпая?

Чего-бы она только не дала, чтобы взглянуть на міръ Божій, посмотрѣть въ лицо своему мужу, быть ему спорой хозяйкой въ работѣ. Она всѣми силами старалась мыть бѣлье, даже починять его, ходить за коровой, у сосѣдей дѣтей досматривать, стряпать,—но развѣ могла она поспѣть за другими, зрячими?

Но вотъ минуло ей всего 17 лѣтъ, умеръ безотвѣтный, тихій мужъ—и снова она одна, на рукахъ съ маленькимъ Стефаномъ попадаетъ къ злымъ своимъ родственникамъ, которые захватили ея хату, поле, огородъ, и выгнали съ дитёй на улицу.

Такъ и живетъ она слѣпая, никому не нужная, Христа ради, по чужимъ людямъ и несетъ крестъ свой ради милаго сына...

Съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ сталъ понимать, что дѣлается кругомъ него и вслушиваться въ разсказы своей матери, въ голубыхъ дѣтскихъ глазахъ начала свѣтиться тихая грусть.

Какъ горячо, какъ глубоко полюбилъ онъ свою бѣдную и слѣпую мамусю!

— Никогда, никогда въ жизни онъ не разстанется съ ней, и этой маленькой дѣтской рукою—будетъ водить ее всюду вмѣстѣ съ собой...

И не думалъ милый мальчикъ, что онъ, дѣйствительно, не измѣнитъ своему дѣтскому крѣпкому слову и тогда, когда станетъ взрослымъ мущиной и умретъ страшной мученической смертью, какъ святой, душу свою положившій за любимаго Царя и Отечество...

Вечерѣло.

Еще горячее осеннее солнце бросало свои золотые лучи на землю и нѣжно ласкало ее прощальнымъ привѣтомъ.

Длинные, мохнатые куски паутины, предвѣстники „бабьяго лѣта" рѣяли въ воздухѣ и опадали на траву.

Затѣйницы — ласточки то по одиночкѣ, то цѣлой стаей носились въ перегонку, низко припадая къ дорогѣ.

Высоко въ темнѣющей лазури широкаго неба застылъ пѣвунъ—жаворонокъ и въ переливчатыхъ треляхъ пѣсни восхищался жизнью.

Зажглась далекая, яркая звѣздочка, справа вспыхнула другая и, таинственно мигая, онѣ стали посылать свѣтлыя улыбки уставшимъ путникамъ.

Большое село осталось у нихъ за плечами и только изрѣдка еще доносится оттуда хоръ звуковъ, тѣхъ звуковъ, которые непередаваемы словами, но такъ близки сердцу деревенскаго жителя...

Мычанье коровъ, блеяніе овецъ, зовъ хозяйки, направленный къ заблудшей „бурёнушкѣ", кваканье лягушекъ у пруда за тыномъ, скрипъ журавля и стукъ проѣхавшей по свободнымъ, какъ клавиши, настиламъ моста—телѣги,—все это сливается въ одинъ общій, согласный и пѣвучій аккордъ, который говоритъ о могучей жизни, спѣшащей закончить день и отойти на покой...

— Милый Стефанъ,—устала я очень, скоро-ли до Рудлова?—спросила Марія.

— Потерпи, мамуся; еще три версты и будемъ у мамы крестной.

— А что я хочу спросить у тебя, мамо?

— Что, дѣтка?

— Мы съ тобой были въ гостяхъ у Боженьки,—правда?

— Правда, милый,—правда.

— Какой у Него богатый домъ!

— И какъ поютъ тамъ красиво, будто ангелы.

— Нѣтъ милый, это не ангелы, а пѣвчіе.

— А что, мамо, трудно быть пѣвчимъ? Надо много учиться?

— Да, дитятко, много. Вотъ попрошу дядю Гильчука, грамотѣ тебя научить. Хочешь?

— Очень хочу, мамуся. Когда научусь, скажу людямъ, что нехорошо дѣлать злое... Что надо любить,—всѣхъ любить; тогда не будетъ никто плакать, какъ ты.

— А еще хочу быть солдатомъ. Защищать всѣхъ слабыхъ и наказывать злыхъ.

— Милый мой мальчикъ, дорогой мой сынокъ. И откуда ты у меня такой славный вышелъ!

Но вотъ и родная деревня.

Съ болью въ сердцѣ прошла Марія Веремчукъ, предупрежденная сыномъ, мимо своей собственной хаты, отнятой злыми родственниками и вошла въ хату односельчанина Моисея Гульчука, жена котораго была крестной матерью Стефана.

Бѣдные, но добрые люди радушно приняли сиротъ и стали дѣлить съ ними свою скудную жизнь.

Съ этого дня добрый Гильчукъ, который одинъ въ селѣ былъ грамотнымъ, сталъ учить понятливаго Стефана и передалъ ему всю свою небольшую премудрость.

Сдѣлавшись грамотнымъ, Стефанъ каждый праздникъ посѣщалъ церковь и съ благоговѣніемъ помогалъ дьячку въ чтеніи и пѣснопѣніи (въ бѣдной сельской церкви не было хора).

Такъ претекли мирно десять лѣтъ, и добрые люди, пріютившіе сиротъ, никогда не жаловались на случайную обузу; слѣпая Марія, какъ и всѣ слѣпыя, развила до тончайшаго воспринимація слухъ и осязаніе и весьма успѣшно помогала въ хозяйствѣ, а отъ нѣжнаго и впечатлительнаго Стефана никто не слышалъ ни малѣйшей жалобы, не видѣлъ лѣни или неудовольствія. Прилежный мальчикъ продолжалъ оставаться тѣмъ же неиспорченнымъ, вдумчивымъ и заботливымъ сыномъ и благодарнымъ, ласковымъ и дѣльнымъ ребенкомъ.

Когда Стефану минуло пятнадцать лѣтъ, мать отдала его въ науку къ сапожнику въ м. Берестечко.

Какъ съ грамотой, такъ и съ этой работой онъ освоился очень быстро.

Вскорѣ послѣ ученья Веремчуковъ посѣтила неожиданная радость, которая до сихъ поръ ихъ никогда не баловала...

Слѣпой Маріи удалось получить часть отцовскаго огорода, находившагося въ рукахъ братьевъ. Стефанъ съ большими усиліями построилъ на этомъ клочкѣ хату, и у матери съ любимымъ сыномъ оказался свой уголъ, гдѣ они были сами хозяевами, не на хлѣбахъ у чужихъ людей, предоставленные другъ другу...

Это было для нихъ большимъ счастьемъ. „Чія хата, того и правда"—поговаривала весело Марія.

Черезъ годъ послѣ постройки хаты Стефанъ женился на бѣдной, какъ и онъ самъ, дѣвушкѣ, но такой, которая должна была уважать и цѣнить его мать, ухаживать за ней, какъ за родной. Усердно трудясь вмѣстѣ съ женой, доброй, трудолюбивой и заботливой женщиной, на заработанныя деньги пріобрѣлъ Стефанъ пять лѣтъ тому назадъ $1^1/_4$ десятины поля. Этого было очень мало, тѣмъ болѣе, что имѣли они уже двоихъ дѣтей, но у остальныхъ крестьянъ было также немного: у большинства семействъ имѣлось 2—3—4 дес.; рѣдко у кого было 6 дес. „Жили дуже бідно", разсказываетъ жена Стефана Іустинія Веремчукъ. „Часомъ, якъ купили поле, той соли не було". При этой бѣдности ихъ очень занимала мысль, гдѣ взять больше земли, чтобы и самимъ было лучше жить и хватало на обученіе дѣтей. Односельчане ихъ, озабоченные тѣмъ же, поручили Стефану Веремчуку, какъ единственно грамотному, доброму, честному и всѣмъ интересующемуся человѣку, поѣхать туда, гдѣ больше земли, и высмотрѣть участки для переселенія. Онъ съ радостью взялся за выполненіе этого порученія, соотвѣтствующаго его личнымъ желаніемъ, и, на основаніи прочитаннаго объявленія, отправился въ Пензенскую губернію. Поѣздка эта не увѣнчалась успѣхомъ: ничего подходящаго онъ тамъ не нашелъ. Первое время по возвращеніи онъ былъ удрученъ неудачей. „Якъ діти повиростають",

говорилъ онъ женѣ: „що будешь робити. Треба буде учить дітей, а де туть вчити. Треба мабудь до города вибіраться. Якъ виберусь до города, помищусь де нибудь, найду работу, пошлю дітей до школы, повиучую іхъ, щобъ людьми були. А може-бъ продать сю землю, та купить більше ii тамъ, де вона дешевше: тоді буде і на хлібъ, і на дітей, щобъ іхъ вчить“.

Частью по собственному побужденію, частью по порученію односельчанъ поѣхалъ онъ вторично на развѣдки, на этотъ разъ въ Туркестанскій край. Эта поѣздка была удачнѣе. Теплый край Туркестана очень понравился Стефану, и онъ тамъ присмотрѣлъ себѣ и односельчанамъ участки— но черезъ двѣ недѣли по возвращеніи домой объявлена была война.

Какъ горячо, какъ страстно молился Стефанъ Богу, чтобы онъ далъ побѣду родному русскому оружію!

Съ какими свѣтлыми слезами, радостно читалъ онъ односельчанамъ случайную газету о побѣдоносномъ шествіи русскихъ войскъ въ Галиціи и долго, долго, сидя на заваленкѣ своей хаты въ теплую лѣтнюю ночь, шепталъ тихія, святыя слова: „Господи, сподоби и меня, раба Твоего, положить свою жизнь за Царя—батюшку и за милую Отчизну!“

Но вдругъ, однажды, къ концу лѣта изъ волости пришли тревожныя вѣсти, и всѣ признаки говорили за то, что врагъ близко...

Какъ громомъ поразили его эти страшные слухи. Кругомъ него все бѣжало передъ наступленіемъ гнусныхъ враговъ. Но высокое, врожденное чувство чести, чувство, которое ярко горѣло въ его сердцѣ подъ грубой сермягой, заставило его остаться въ родной деревнѣ для того, чтобы быть полезнымъ оставшимся и не дать на поруганіе свои родныя мѣста, свою дорогую церковь.

И врагъ пришелъ...

До самой смерти у крестьянъ деревни Бабалоки останутся въ памяти эти страшные, кошмарные дни.

По совѣту спѣшно прошедшихъ наканунѣ прихода австрійцевъ двухъ русскихъ солдатъ, оставшіеся жители выкопали на огородахъ глубокія ямы, чтобы укрыться отъ пуль и снарядовъ и, перетаскавъ туда самый необходимый скарбъ, стали трепетно ждать.

Тихій осенній день смѣнился бархатной ночью.

Яркія звѣзды покрыли бездонный небосводъ, и дивныя шатеръ этотъ напоминалъ собою куполъ сказочнаго храма, воздвигнутаго самымъ искуснымъ строителемъ—Природою, во славу Создателя Вѣчнаго...

Свѣжій воздухъ, напоенный ароматами травъ и убранныхъ полей, струился нѣжной волною, и его хотѣлось пить, какъ усталый путникъ пьетъ студеную воду въ жаркій полдень.

Отъ близкой рѣчки порывами доносило свѣжестью и тонкимъ запахомъ прибрежной тины, болотныхъ кувшинчиковъ и зрѣлой осоки.

Мертвая тишина покинутой деревни прерывалась иногда жалобнымъ рявканьемъ почуявшей недоброе собаки,—и далекимъ, сотрясающимъ гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Внимательно вслушавшись въ темноту, осторожно выползъ изъ ямы Стефанъ Веремчукъ.

Никакія мольбы матери, жены и дѣтей не могли удержать его. Болѣя душой за участь своихъ родныхъ и односельчанъ, сознавая глубокое горе, которое переживаетъ его Родина, онъ почувствовалъ жгучую потребность остаться съ самимъ собою, со своими мыслями, съ той необъяснимой, надвигавшейся на него душевной волною, которая стѣснила ему грудь, захватила сердце.

Онъ чувствовалъ что его ждетъ какая-то громадная, мистическая не то полу-радость, не то

полу-грусть; онъ самъ не могъ объяснить себѣ, что это за состояніе, но ощущалъ, что это „что-то“ росло въ немъ неудержимо и превращалось во что-то цѣльное свѣтлое, громадное... неземное...

Тихими шагами шелъ онъ по знакомой съ дѣтства дорогѣ и черезъ нѣсколько шаговъ безсознательно добрелъ до церкви.

Привычной рукою растворилъ ветхую калитку и, прошагавъ мимо бѣдныхъ могилъ съ деревянными крестами, очутился у паперти.

Несмотря на ночь съ чуть свѣтящей, новой луною, бѣдная сельская церквушка, покосившіяся колонки и подгнившая паперть ея, каждый заржавленный болтъ съ темными дождевыми полосами и унылая колоколенка,—все это до мельчайшихъ подробностей извѣстное и родное,—показалось Стефану чѣмъ-то инымъ, полнымъ таинственной величавости.

Со стономъ палъ онъ на колѣни, припавъ горячимъ лбомъ къ холодной двери съ почернѣвшей отъ времени иконкой святой Заступницы и съ безсознательными, легкими слезами сталъ горячо молиться.

Простыя слова чудной молитвы сами собою срывались съ устъ. Никогда еще въ жизни Стефану такъ не молилось, никогда онъ не былъ такъ близко къ престолу Всевышняго...

И странное дѣло!

Когда онъ поднялся, съ души его свалился тотъ необъяснимый гнетъ, который безпокоилъ его днемъ.

Какая-то струя радостной свѣжести проникла во все его существо.

Въ ушахъ раздавалось отдаленнымъ согласнымъ аккордомъ не то стройное пѣснопѣніе, не то нѣжная и тихая музыка.

Глубокое спокойствіе и созерцательная ясность разлились во всемъ существѣ его.

Вернувшись къ своимъ въ тѣсную и сырую яму, онъ всѣхъ перекрестилъ, сказалъ каждому ласковое слово, успокоилъ и, уложивъ спать, легъ самъ и углубился въ крѣпкій, спокойный сонъ...

А въ покинутой деревнѣ вскорѣ послышался безпорядочный шумъ, крики, топотъ сотни ногъ, скрипъ повозокъ, ржанье лошадей.

Чуть свѣтъ прибывшіе австрійцы грубо выгнали крестьянъ изъ ихъ убѣжищъ и заставили спѣшно рыть окопы, подкалывая штыками взрослыхъ и давая энергичные пинки ногою дѣтямъ.

Къ полудню среди стоянки враговъ произошло замѣшательство и они, спѣшно снявшись, безпорядочно вышли изъ деревни, злобно говоря жителямъ: „Вотъ вашъ руссъ скоро придетъ въ окопы; скоро увидите своего русса“.

Въ тотъ же день, къ вечеру, мадьяры вернулись въ деревню и, выведя всѣхъ жителей, въ томъ числѣ и Стефана съ семьею за деревню, начали гнать ихъ къ лѣсу, говоря: „Уходите, здѣсь будетъ позиція, руссъ будетъ бить“. Тѣхъ, которые не хотѣли идти или отставали, мадьяры подкалывали штыками и били прикладами. Многіе, опасаясь за свою судьбу, начали плакать, голосить. Поднялся страшный шумъ.

Вдругъ раздался залпъ, и храбрые солдаты, только что гордо совершавшіе свои военные подвиги, бросились утекать.

Залпъ повторился.

Это были русскія части, незамѣтно подошедшія къ новой позиціи, за рѣкою.

Воспользовавшись суматохой, несчастные поселяне вновь бросились въ свои примитивныя убѣжища, боясь переправиться черезъ рѣку подъ защиту русскихъ штыковъ, ибо начался ураганный артиллерійскій обстрѣлъ.

Мадьяры нѣсколько разъ въ теченіе ночи подходили къ ямамъ и требовали грозно, чтобы жи-

тели выходили и шли въ лѣсъ, вдвигая при этомъ штыки въ щели покрывавшихъ ямъ досокъ. Но, несмотря на угрозы, никто изъ жителей не выходилъ.

На другое утро австрійцы заняли частью окопы, расположенные передъ селомъ по берегу рѣки, частью хаты и стодолы. Въ послѣднихъ они продѣлали отверстія и черезъ нихъ начали стрѣлять.

Пользуясь одеждой, оставленной жителями въ хатахъ, мадьяры одѣвались въ нее и затѣмъ спокойно расхаживали по двору и улицѣ, не боясь быть подстрѣленными русскими. Русскіе солдаты, сидѣвшіе въ окопахъ, недоумѣвали, почему пули изъ деревни летятъ къ ихъ окопамъ, а между тѣмъ жители спокойно разгуливаютъ притомъ по деревнѣ.

Стефанъ Веремчукъ все порывался переправиться на тотъ берегъ къ своимъ, чтобы сообщить имъ, „какое направленіе нужно брать въ стрѣльбѣ", чтобы скорѣе прогнать австрійцевъ и освободить бѣдствующихъ жителей. Онъ нѣсколько разъ обращался съ просьбой къ своимъ односельчанамъ помочь ему пробраться туда и сопутствовать ему, но никто не согласился на это.

„Я своею жизнью не дорожу", говорилъ Стефанъ при этомъ: „Давъ-би Богъ Россію назадъ".

Наконецъ, несмотря на крайнюю трудность незамѣтной переправы черезъ рѣку и опасность пострадать отъ русской или мадьярской пули, онъ на другую ночь одинъ перебрался черезъ названную рѣку, прошелъ въ русскіе окопы и сообщилъ о томъ, какъ расположены занимаемые австрійцами окопы и мѣстные предметы, разсказалъ, что всѣ жители сидятъ по ямамъ и что не нужно бояться стрѣлять по деревнѣ, такъ какъ распоряжаются въ хатахъ и ходятъ по улицѣ не жители, а переодѣтые въ крестьянское платье мадьяры. Онъ передалъ также о тѣхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя испытывали и теперь терпятъ его односельчане.

Въ ту же ночь ему удалось благополучно возвратиться обратно къ своимъ.

Когда распространился слухъ отъ ямы къ ямѣ о томъ, что мадьяры ушли и что русскіе сейчасъ находятся близко за рѣкой, всѣхъ жителей охватила большая радость.

Стефанъ Веремчукъ, видя, что группа русскихъ солдатъ хочетъ переправиться на этотъ берегъ рѣки, быстро переѣхалъ черезъ нее въ лодкѣ и перевезъ ихъ на свою сторону. Непріятель, замѣтивъ русскихъ, открылъ по нимъ сильный огонь и, видя ихъ малочисленность, перешелъ въ наступленіе; подъ натискомъ противника развѣдчики бросились черезъ село къ рѣкѣ.

Стефанъ, замѣтя, что солдаты растерялись и мечутся по деревнѣ, тщетно ища прикрытія отъ града пуль, быстро бросился впередъ и, собравъ развѣдчиковъ, повелъ ихъ къ переправѣ.

Ни одинъ мускулъ на блѣдномъ лицѣ его не дрожалъ. Глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, и полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ дышала вся его фигура.

— Надѣйтесь на Бога, родные, Онъ насъ спасетъ,—быстро, на ходу сказалъ онъ солдатамъ.

— Вотъ и лодка; теперь по одному въ лодку ложись, а я по очереди перевезу всѣхъ.

Перекрестившись, онъ быстро погналъ лодку на другой берегъ.

Началась мучительная переправа. Подъ то и дѣло чмокающими пулями, подъ проливнымъ дождемъ, стоя во весь ростъ на кормѣ маленькой душегубки, Стефанъ, не обращая вниманія на обстрѣлъ, какъ будто это самое для него привычное дѣло, искусной и твердою рукою гналъ взмахами весла утлый челнъ и, сдѣлавъ этотъ путь десять разъ, *перевезъ всѣхъ солдатъ на другой берегъ.* Когда оставалось перевезти еще трехъ человѣкъ, на этотъ разъ мѣткая пуля настигла Стефана и ранила его

въ бедро. Несмотря на боль и потерю крови, герой продолжалъ свое чудное дѣло и перевезъ, напрягая послѣднія силы, еще трехъ оставшихся. Имѣя мужество проститься со спасенными, которые умоляли его остаться на ихъ берегу, онъ со словами: „Я еще нуженъ своимъ односельчанамъ“—бросился въ лодкѣ обратно.

Поднявшійся вѣтеръ разбросалъ мелкія волны, и онѣ гулко барабанили въ бортъ лодки. Косой дождь хлесталъ въ горячее лицо.

Слабѣющей рукою Стефанъ гналъ свой челнъ къ родному берегу, туда, гдѣ осталась его милая мать, любимая жена, дорогія дѣти. Вѣдь онѣ всѣ, не исключая бѣдныхъ, брошенныхъ имъ односельчанъ, нуждаются въ его помощи, въ его совѣтахъ...

Вотъ берегъ близко... вотъ еще нѣсколько взмаховъ... вотъ и мѣсто причала.

— Господи! пошли мнѣ силы быть достойнымъ Тебя рабомъ...—шептали его сухія губы...

Надъ рѣкою пронесся дикій крикъ, крикъ ярости десятка дьяволовъ.

Нѣсколько рукъ схватили подплывавшій челнъ, подхватили страдальца и поволокли.

Это были мадьяры, понявшіе, кому они обязаны бѣдствіями послѣднихъ дней, и рѣшившіе жестоко отомстить...

Тихо стало вокругъ...

Русскіе, не имѣя возможности помочь Стефану, спасти его жизнь, горестно и чутко прислушивались, что дѣлается въ близкомъ вражьемъ участкѣ.

Крестьяне, предвидя страшную расправу, притаились ни живы, не мертвы и дрожащими губами шептали забытыя слова молитвы.

Мадьяры, обуреваемые бѣшенной злобой, затаили дыханье, стараясь сдерживать себя, чтобы сила дьявольской мести не ушла въ потокѣ бранныхъ словъ.

Они сосредоточенно и тихо готовились потѣшить свою душу...

Яркое солнышко прорвалось среди вихря спѣшащихъ въ дальнюю дорогу тучъ.

Шедшій всю ночь дождь пересталъ и, омывъ умирающую, побурѣвшую зелень, пестрыми, переливчатыми каплями застылъ на травѣ.

Каждый стебелекъ засыхающей травы, каждая вѣтка, уставшая и склонившаяся отъ долгаго, уходящаго знойнаго лѣта,—вся зелень кругомъ посвѣжѣла, встрепенулась...

Напоенная досыта земля, радостная и довольная, пригрѣтая солнышкомъ нѣжно млѣла и, испаряясь посылала нѣмой привѣтъ напоившему ее небу.

Несмотря на осень, умытая и похорошѣвшая природа, окрашенная мягкими, золотыми лучами солнца, дышала властной силой и звала все живое любить и славословить ее...

Веселый воробей, еще недавно безпомощно бросавшійся отъ незнакомыхъ звуковъ ружейной пальбы, громко чирикалъ, охорашиваясь и встряхивая влажными перышками...

— Ой, ратуйте, православні, я-жъ васъ виручавъ!

Дикимъ, страшнымъ разногласіемъ пронесся этотъ крикъ.

— Ой мамо, мамо, якъ мині тяжко.

— За васъ православні, за Царя, за Ойтчизну муки пріймаю.

— Господи! пріими во Царствіе Твое...

Все тише и глуше слышались крики.

Все отдаленнѣе звучалъ милый страдальческій голосъ...

Господи! Упокой душу раба Твоего. .

На другой день послѣ ухода австрійцевъ нашли тѣло Стефана Веремчука.

На тѣлѣ, кромѣ огнестрѣльной раны, было нѣсколько колотыхъ; руки порѣзаны, плечи подрублены съ пересѣченіемъ ключицъ, сухожилія подъ колѣнями перерѣзаны и концы сухожилій вытянуты. Мышцы на груди, спинѣ, рукахъ и ногахъ— вырѣзаны. Все лицо разбито.

Въ ротъ въ большомъ количествѣ была набита глина.

Крестьяне и солдаты, омывъ тѣло мученика, предали его землѣ на мѣстномъ кладбищѣ.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго о подвигѣ и мученической кончинѣ Стефана Веремчука Его Императорское Величество въ 1-й день декабря 1915 года Всемилостивѣйшее повелѣть соизволилъ:

1) Назначить пенсію матери и вдовѣ покойнаго Стефана Веремчука первой въ размѣрѣ 120 въ годъ а второй—въ размѣрѣ 240 руб. въ годъ.

2) Малолѣтнихъ сыновей его—Макарія, Леонтія и Федора опредѣлить, по достиженіи ими соотвѣтствующаго возраста, на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію матери, съ спеціальнымъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ.

3) Разрѣшить открыть повсемѣстную подписку и сборъ на постановку памятника—часовни на могилѣ мученика.

4) Предписать настоятелямъ всѣхъ мірскихъ и монастырскихъ церквей, путемъ проповѣдей и бесѣдъ, объяснить прихожанамъ глубокій смыслъ и значеніе праведной жизни и высокаго подвига Стефана Веремчука, и

5) Въ виду чистой и глубоко-религіозной жизни Стефана Веремчука, описаніе его жизни и подвига,

составленное по показаніямъ семьи покойнаго, его односельчанъ и чиновъ 79-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, бывшихъ очевидцами геройскаго подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкаго распространенія какъ среди всѣхъ частей и командъ русской арміи, такъ и повсемѣстно среди мирнаго населенія Имперіи.

ГЕРОЙ ВАНЯ.

*** Финляндскій стрѣлковый полкъ сдѣлалъ большой переходъ и только что расположился на отдыхъ въ полуразрушеной деревнѣ.

Солдатъ предупредили, чтобы они вели себя тихо, не зажигали огней—ибо непріятель былъ близко. Это предупрежденіе и возможность на завтра пойти въ серьезное „дѣло“ заставило молодцовъ—стрѣлковъ быть серьезными и сосредоточенными.

Одинъ только общій любимецъ полка, 16-тилѣтній доброволецъ Ваня Ивановъ какъ всегда чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, и старался услужить кому-либо изъ добрыхъ „дяденекъ“.

— Дяденька Митрофанъ—обратился онъ къ взводному Митрофанову,—можетъ чайку испить охота?—Давайте котелокъ, воды мигомъ доставлю.

— Ежели не усталъ,—сказалъ улыбнувшись взводный,—тащи. Вмѣстѣ и напьемся. Вонъ тамъ, за усадебкой „колодезь“. Забирай котелокъ.

Ваня сбросилъ шинель, чтобы не мѣшала, отстегнулъ съ пояса австрійскій штыкъ-кинжалъ, подарокъ другого „дяденьки“, и захвативъ котелокъ, побѣжалъ за водою.

Вечерѣло...

Осенній, солнечный день замиралъ, и лучи заходящаго солнца бросали послѣдній, свѣтлый привѣтъ умиравшей природѣ.

Опавшіе листья всѣхъ оттѣнковъ, отъ блѣдно-розоваго, до ярко-краснаго, печально шелестѣли подъ ногами и дополняли унылую картину окружающаго опустошенія.

Фруктовыя деревья, стройные ряды которыхъ говорили, что за ними еще недавно ходила забот-

ливя рука хозяина, стояли полныя печали, со сломанными вѣтками, съ которыхъ прохожiй, повидимому на спѣхъ, рвалъ недозрѣвшiе фрукты.

Ваня мало обращалъ вниманiя на эти признаки мирной скорби и весело бѣжалъ, перепрыгивая черезъ попадавшiяся канавки. Вотъ и плетень,—а за поворотомъ, онъ запомнилъ проходя недавно, долженъ быть колодезь.

Перелѣзая черезъ плетень, онъ услышалъ звукъ опускающагося „журавля", которымъ черпаютъ воду.

— „Должно быть кто-либо изъ нашихъ"—подумалъ мальчикъ.—„Обязательно попугаю—крикну руки вверхъ—сдавайся нѣмцу".

Тихо подкравшись до поворота—онъ заглянулъ и обмеръ: спиной къ нему, растопыривъ громадныя ноги, въ кургузой, „ненашенской" шинели, со странными боевыми ремнями на спинѣ и большимъ „школьнымъ" ранцемъ, запрокинувъ голову съ остроконечной каской—стоялъ, очевидно заблудившiйся нѣмецъ и, держа обѣими руками ведро,—жадно втягивалъ въ себя воду. Недалеко отъ него, къ дереву, была прислонена винтовка.

— „Вотъ такъ оказiя,—мелькнуло въ головѣ Вани. Откудова этотъ чортъ взялся?!"

„А ну-ка, попробую его попугать. Кабы захватить его, проклятаго, да вмѣсто воды, къ чаю дяденькѣ Митрофанову представить,—вотъ былабы потѣха!"

Не спуская глазъ съ фигуры нѣмца и затаивъ дыханiе,—Ваня какъ кошка сталъ красться къ завѣтному дереву. Сердце его сильно билось и онъ боялся, что этотъ стукъ, ясно имъ ощущаемый, достигнетъ ушей нѣмца. Вотъ разстоянiе осталось совсѣмъ пустяшное,... вотъ онъ въ тѣхъже 15—20 шагахъ отъ винтовки, что и хозяинъ ея,—вотъ осталось только дотянуться...

Хрустъ сухой, попавшей подъ ногу вѣтки, за-

ставилъ встревоженнаго нѣмца бросить ведро и быстро обернуться.

Но было уже поздно!

Сдѣлавъ громадный скачекъ, Ваня схватилъ винтовку и сталъ на „изготовку".

Широкое лицо нѣмца налилось кровью, рыжіе усы оттопорщились, глаза дико завращались, руки судорожно стали искать какого-либо оружія. Ваня отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и прицѣлившись аккуратнѣе, зычнымъ, молодымъ и радостнымъ голосомъ крикнулъ: „сдавайся,—а то стрѣлять буду!"

Нѣмецъ крѣпко и зло выругался, но посмотрѣвъ въ блестящіе, искрящіеся рѣшимостью глаза мальчика, понялъ, что онъ не шутитъ, и поднялъ руки.

Черезъ десять минутъ торжествующій Ваня привелъ своего здоровеннѣйшаго плѣнника въ расположеніе полка. На это комичное шествіе солдаты сбѣжались со всѣхъ концовъ деревни и помирали со смѣху, самодовольно восторгаясь своимъ питомцемъ.

Плѣнному нѣмцу былъ учиненъ допросъ. Нѣсколько часовъ онъ не отвѣчалъ ни слова, катался по полу, вылъ какъ звѣрь и кусалъ свои руки. Къ утру переводчикъ добился и узналъ, почему нѣмецъ воетъ: оказалось, что нѣмецъ вспомнилъ, но только тогда, когда Ваня привелъ его уже въ деревню, что винтовка его *не была заряжена.*

За это „дѣло" Ванѣ дали Георгіевскій крестъ.

КАКЪ МИТЮХА ВЪ ПЛѢНУ ПОБЫВАЛЪ.

Жилъ Митюха въ большомъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ города.

Городъ былъ небольшой и не маленькій, а торговый и аккуратный. Хоть Митюха другихъ городовъ на своемъ вѣку и не видалъ, а бывать въ немъ любилъ.

Все ему тамъ нравилось: и магазины разные, съ товаромъ, всякой всячиной.

И трактиры съ музыкой.

Въ одномъ даже машина была большущая такая и играла на разные голоса, будто нѣмецкая гармоника, что у знакомаго около его села, помѣщичьяго кучера Петра, только сотню разъ поболѣ...

Жилось Митюхѣ не то чтобы очень хорошо, а и не плохо.

Былъ онъ круглымъ сиротою, бобылемъ, по деревенски, и отца съ матерью не помнилъ.

Сказывали люди, что мать была на барскомъ дворѣ скотницей, а отецъ въ острогѣ умеръ, только въ памяти и этого у него не осталось.

Съ малолѣтства „міръ“ взялъ его на попеченіе, да приставилъ къ общественному стаду.

Такъ онъ пастухомъ выросъ, имъ и остался.

Былъ подневольнымъ, а теперь самъ старшой, и у него подъ командой пять мальчишекъ, подпасковъ.

Любилъ онъ свое дѣло!

Лѣтомъ, чуть свѣтъ, соберетъ свое стадо, на перечетъ знаетъ каждую корову, овцу, свиней и поведетъ его, сперва, на общественный выгонъ.

Привелъ на выгонъ, легъ на спину да, знай себѣ, въ небо гляди.

Къ полдню, когда солнце дюже крѣпко припе-

кать станетъ и скотина маяться начнетъ, гонитъ Митюха свою команду къ лѣсу.

Примостится поудобнѣе къ дереву, гдѣ больше тѣни, вынетъ краюху хлѣба, да луку зеленаго, сочнаго, вотъ тебѣ и обѣдъ.

Рядомъ, рукой подать ключевая вода.

Студеная, да чистая. Лучше всякаго пива, что въ чайной, въ селѣ подаютъ.

Наберетъ Митюха воды этой въ кружку свою, важно такъ поклонится, будто, сидящему за столомъ сосѣду и скажетъ: „за здоровье“.

И выпьетъ до дна.

Крякнетъ и закусить ломтемъ хлѣба, густо посыпавъ солью.

Чуть солнце садиться соберется, въ воздухѣ посвѣжѣетъ, значитъ, надо собираться домой.

Скотина сама время знаетъ, ученая. И собирать ее стараться не треба, сама направленіе къ селу держитъ.

Ввечеру, значитъ, развелъ стадо по дворамъ, и свободенъ.

Сядетъ на заваленкѣ у избы солдатки Матвѣевны и начнетъ либо ребятамъ дудки налаживать, либо стругать что.

Нравъ у Митюхи былъ тихій, да спокойный.

За это всѣ его въ селѣ и любили.

Зимою наряжался онъ на работы, каждый день въ другую избу.

Дѣлалъ все съ охотой, играючи.

А работа такъ и спорилась.

Силища была въ рукахъ слава Тебѣ Господи, здоровеннѣйшая.

Да и скроенъ былъ самъ, хоть не складно, да здорово.

Деревенскія дѣвки на него иногда хоть и ласково поглядывали, а рукамъ волю давать не позволяли.

За душою у него ничего не было, ни кола ни-двора.

Сапоги, порты, да двѣ рубахи, вотъ и все богатство.

Одно слово, бобыль.

Міръ за работу кормитъ и поитъ, сапоги, когда сносятся, справитъ, а денегъ не даетъ а ни-ни, ни копѣечки.

Такъ и жилъ Митюха, день да ночь, сутки прочь.

Работалъ исправно на хозяина, а хозяинъ то— вся деревня.

Обчественный, значитъ, работникъ.

Въ одинъ распрекрасный день, лѣтомъ, пріѣхалъ староста къ вечеру изъ города, да собралъ сходъ. А на томъ сходѣ мужикамъ повѣдалъ, что объявлена съ нѣмцами, война.

Загуторили мужики, а за ними пошли выть бабы.

Такое пошло по деревнѣ, ажъ страсть!

Ребята ходятъ козыремъ, въ гармонь играютъ, фуражки на бекрень и чортъ имъ не братъ.

Мужики, кто подѣловитѣе, около старосты дома сидятъ, степенно разсуждаютъ.

Кто грамотный—газету вслухъ читаетъ.

А бабы голосятъ, причитаютъ, да въ дорогу солдатскій сундукъ укладываютъ.

Прошла недѣля, и село опустѣло.

Не только мужики,—бабы въ городъ поѣхали, чтобы до отправки своихъ еще немного повидать, да что нужно имъ справить.

Тихо стало на селѣ.

Къ вечеру пригонитъ Митюха стадо, самъ къ крыльцу старосты присусѣдится и слушаетъ, что про войну толкуютъ.

Разъ зашелъ онъ, было ужъ поздней осенью,— а староста Василій ему и говоритъ: „Здраствуй Митюха, мнѣ тебя и надо. Солдатскій призывъ, значитъ, вышелъ раньшій, тебѣ аккуратъ въ рекруты итти надоть. Собирайся къ понедѣльнику, да ступай въ городъ къ воинскому“.

„Понялъ?“, спрашиваетъ.

„Понялъ, къ чему не понять!“

„А собирать мнѣ нечего. Сапоги на палку, да за плечи, вотъ я и готовъ!“

„Міръ—говоритъ староста,—порѣшилъ тебѣ бѣлье справить, новые сапоги купить, да такъ кое-чего, что необходимо“.

„Заготовь себѣ ящикъ, да зайди ко мнѣ“.

— „Повѣстку получишь, да и съ Богомъ“.

„Ладно, обрадовался Митюха, за мной дѣло не станетъ“.

И радостно стало у него на душѣ.

„Буду, думаетъ, исправень, чего-жъ солдатчины бояться“?

„У другихъ семья есть, тую жалко оставлять, а мнѣ что?“

„Еще отличусь, такъ въ командиры попаду“.

„Тогда вернусь, и дѣвки уважать станутъ“.

„Вонъ, Дуня, дочь богатѣя старосты. Всегда такая ласковая, да привѣтливая“.

„Видно, я ей по сердцу. А взять за себя не могу“.

„Ее засмѣютъ, да и мнѣ, такому голышу, совѣстно ее на это смущать“.

Сборы его были коротки.

Покидать село было не особенно жалко.

Только въ душѣ что-то заскребло, когда наканунѣ, прійдя за повѣсткой и вещами къ старостѣ, на дворѣ встрѣтилъ Дуню, которая къ нему подбѣжала, быстро его перекрестила и крестикъ на шею надѣла.

„Возвращайся, желанный, — прошептала, — ждать буду!“

Сказала и убѣжала. Отвѣтить даже ничего не успѣлъ.

На другой день нарочно раза три мимо старосты проходилъ.

Такъ и уѣхалъ, Дуню не повидавъ.

Пріѣхалъ въ городъ, нашелъ, гдѣ живетъ воинскій начальникъ.

И спрашивать не пришлось, гдѣ онъ находится: народу по улицѣ около дома видимо невидимо.

Пока его очередь пришла, поглазѣлъ на народъ. Парни всѣ здоровые, держутъ себя весело. Смѣхъ и шутки; солдатъ спрашиваютъ, какова служба, хорошо-ли кормятъ?

Въ 12 часовъ согнали всѣхъ на дворъ, принесли мѣдные тазы, обѣдать, значитъ, пожалуйте.

Присосѣдился Митюха къ ближайшей кучкѣ, запустилъ ложку въ щи, хлебнулъ, да просіялъ весь.

Ай, да щи!

Такихъ щей онъ и въ Свѣтлый Праздникъ не ѣдалъ!

Хлебалъ, хлебалъ съ голодухи, а кашевары еще подлили.

Ѣшь—не хочу!

Попробовалъ еще зачерпнуть, поднесъ къ рту, не идетъ, да только.

Знать, мѣста болѣе нѣтути!

Затѣмъ повели его въ другую комнату, большую и людную.

Раздѣли до гола, постукалъ по груди дохтуръ, подъ стойку, видимо, чтобы ростъ смѣрить, поставилъ и говоритъ:

„Эка паря здоровый!“

„Всѣ бы такіе“.

„Отъ одного вида нѣмецъ лихорадку получитъ“.

Послѣ, отвели его въ казарму, указали койку, и пошла жизнь, какъ во снѣ.

Утромъ—на ученье.

Маршировка подъ команду, ружейные пріемы.

Правда, спервоначалу трудненько Митюхѣ было.

„На три разсчитайся!“—кричитъ взводный.

И слышны мѣрные выкрики: „первый, второй, третій, первый“...

До него очередъ дошла, а онъ открылъ ротъ и на сосѣдній взводъ смотритъ, какъ солдаты гимнастику дѣлаютъ.

„Какой чортъ полосатый тамъ заснулъ",—кричитъ начальство.

Сосѣдъ кулакомъ въ бокъ двинетъ и шепчетъ: „Тебѣ чорту, очередь".

Опомнится Митюха, и рявкнетъ: „второй!"

„Не зѣвай, погрозитъ кулакомъ взводный, а то распатроню!"

Три мѣсяца шло ученіе, а затѣмъ погрузили молодыхъ солдатъ въ вагоны, и повезли.

Митюхи отдыхать приходилось мало. Да и непривыкъ онъ къ отдыху.

„Митюха, бѣги за кипяткомъ".

„Митюха, вонъ дрова стоятъ, тащи сюда да живѣе"!

„Митюха, почему вагонъ до сихъ поръ не прибранъ. Шевелись знатнѣй!"

И Митюха поспѣвалъ всюду, такъ, что товарищи дивились.

„Ай, да паря. Даромъ, что деревня, ничего не видалъ, а работать вострый!"

Пріѣхали къ мѣсту назначенія, поздно ночью.

Издали громыхали орудийные выстрѣлы.

Темное, шатромъ раскинувшееся небо было усѣяно мерцающими звѣздами. Спокойное мерцаніе ихъ еще болѣе оттѣнялось рѣзкими вспышками рвущихся снарядовъ.

Кое - гдѣ, какъ молнія, прорѣзалъ темноту яркій лучъ прожектора и метался въ другую сторону.

Откуда - то глухо трещали ружейные выстрѣлы, и разсыпались, будто по гладкому полу горохъ.

Воздухъ былъ морозный, ясный и освѣжающій.

Подъ ногами бодро скрипѣлъ небольшой снѣжокъ и морозецъ чуть чуть пощипывалъ уши.

Митюхину роту построили, спѣшно роздали патроны и повели. Итти было спористо по шоссейной дорогѣ и пріятно было размять ноги. Въ ушахъ еще раздавался спокойный, мѣрный шумъ вагонныхъ колесъ и выстрѣлы мѣшали этому шуму.

Солдаты шли молча, сосредоточенно сознавая важность переживаемой минуты.

Митюхѣ было радостно и весело. Пощупавъ на груди завѣтный крестикъ, благословленіе Дуни, переложивъ винтовку на другое плечо, онъ шелъ легко и свободно, а мысли обрывками иногда мелькали въ головѣ.

„Эка, народъ пріунылъ. Не все-ли равно, всѣ вѣдь помереть должны. А не дай Богъ такъ помирать, какъ дѣдушка Митрій. 15 лѣтъ съ печи не слѣзалъ. Всѣмъ въ тягость сталъ. Лежитъ, да стонетъ. Теперь и я свѣтъ увидѣлъ, людей повидалъ. А то одна компанія, — коровы да свиньи!“

Выстрѣлы приближались.

Земля сотрясалась и стонала.

Гдѣ-то по близости жалобно охнуло и просвистало надъ головами.

Это своя батарея посылала грозный отвѣтъ.

Огоньки непріятельскихъ орудійныхъ выстрѣловъ заблестѣли гуще, и гудѣніе снарядовъ слилось въ одинъ общій хоръ.

Стороною шумно проскакала какая-то кавалерійская часть и шумъ этотъ моментально слился съ грохотомъ выстрѣловъ.

Навстрѣчу попадались автомобили и двуколки съ ранеными. Слышался, порою близко — близко подавленный стонъ, болѣзненный крикъ.

Прошли еще версты двѣ и приказано было отдохнуть. Расположились у опушки большого лѣса.

Солдатики подтянулись, закурили и стали обмѣниваться обычными шутками; первый страхъ пропалъ, и каждый хотѣлъ показать, что онъ уже испытанный воинъ, привыкшій къ выстрѣламъ.

Но отдыхъ продолжался недолго.

Подошелъ ротный съ другими офицерами и, обращаясь къ ротѣ, сказалъ: — „ребята, сейчасъ будетъ у насъ работа. Держись молодцомъ! Помни каждый, что трусливаго пуля скорѣе найдетъ. Твердо держи присягу, а жизнью зря не рискуй. Жизнь всѣхъ васъ нужна Царю и Родинѣ.

Ну, съ Богомъ".

Разсыпалась рота въ цѣпь, но близко другъ отъ друга; на снѣгу замѣтно; хоть и ночью а видно, какъ товарищъ маячитъ.

Митюхѣ пришлось по опушкѣ лѣса пробираться. Только чудно́ ему стало. Зима на дворѣ, а не то пчелы, не то мухи пожуживаютъ мимо. Только спустя нѣкоторое время догадался, что то не мухи, а пули.

Шли такъ по лѣсу тихо и молча съ полъ часа.

Потомъ справа началось такое сильное „ура", что наполнило весь лѣсъ и заглушило пушечные выстрѣлы; и справа и слѣва ближащіе солдаты подхватили и бросились впередъ.

Заоралъ и Митюха и пустился впередъ во всѣ ноги.

А бѣгать онъ былъ во-какъ гораздъ.

Всѣхъ парней на селѣ, бывало, перегонялъ.

Раза два поскользнулся по скользкому снѣгу, да ничего, поднялся и дальше.

Только слышитъ, будто „ура" пошло стороною, а кругомъ него затихать стало.

„Эхе подумалъ Митюха, не ладно. Дуро́мъ бѣжалъ да отъ своихъ и отбился. Дай, передохну маленько, да нагоню".

Только онъ папаху снялъ, присѣлъ на пень, рукавомъ потъ вытеръ и сумку вещевую передвинулъ, больно плечо оттянуло, — вдругъ, да какъ хватитъ его что-то по башкѣ.

Свѣту не взвидѣлъ Митюха!

Въ глазахъ мурашки свѣтлыя забѣгали, ноги подкосились.

Только и мелькнуло въ головѣ, что смерть, значитъ, его нашла, уходила....

Когда онъ пришелъ въ себя, былъ ясный, солнечный день.

Выстрѣлы слышались глухо и походили на отдаленный громъ.

Лежалъ онъ въ непохожей на русскую избѣ, на соломѣ, безъ сапогъ, безъ полушубка.

Въ головѣ стоялъ шумъ, и она будто свинцемъ была налита.

Все тѣло болѣло и ныло, какъ послѣ доброй драки. Въ горлѣ пересохло.

Около окна стоялъ столъ, покрытый скатертью и за нимъ сидѣло человѣкъ десять диковинныхъ людей. На головѣ каски, мундиры растегнуты, сапожищи огромные. Весело разговаривали на тарабарскомъ нарѣчіи и пили вино.

Митюха приподнялся.

„Дайте пить, воды дайте“.

Одинъ изъ кампаніи всталъ, вышелъ изъ за стола и направился къ Митюхѣ, хлопнулъ его по спинѣ и засмѣялся.

Засмѣялся и Митюха.

„Васъ загсъ-ду, руссишъ швейнъ, васъ?— спросилъ нѣмецъ.

„Квасъ, квасъ, закивалъ Митюха. Дай хоть квасу. Во здѣсь горитъ“ — показалъ онъ рукой на грудь.

Нѣмецъ махнулъ рукой и отошелъ.

„Ахъ ты, чортовъ сынъ, выругался Митюха, квасомъ поманилъ, да зря. А еще въ моихъ сапогахъ щеголяетъ!

Въ роту вернусь, будутъ спрашивать, куды казенное добро дѣлъ. Обязательно надобно ихъ съ него снять“.

Приподнялся Митюха съ соломы, вытянулся, глянулъ въ окошко, а на дворѣ видитъ бочка стоитъ съ водою.

Пуще прежняго захотѣлось ему пить.

„Сапоги, думаетъ, все равно далеко не уйдутъ, а пока что, схожу напьюсь".

Подтянулъ брюки, и направился къ двери. Нѣмцы чего-то заорали. Митюха тихо пошелъ къ двери и вышелъ на крыльцо. Тотъ-же нѣмецъ, что къ нему подходилъ, подскочилъ къ окну съ ружьемъ. Видитъ, плѣнникъ къ бочкѣ подошелъ и пригоршнями сталъ черпать воду.

Сказалъ что-то своимъ у всѣ разразились хохотомъ. Нѣмецъ крикнулъ часовому, тотъ отвѣтилъ и сталъ глядѣть на Митюху.

А Митюха напился и будто полегчало. Помылъ лицо, голову помочилъ и совсѣмъ оправился. Только хотѣлъ назадъ ворочаться, а изъ клѣти, что напротивъ была, слышитъ. таково жалобно кто-то плачетъ. Не то на голосъ дитяти смахиваетъ, не то животное какое-то.

Распахнулъ двери, видитъ, лежитъ коза дохлая а рядомъ пять козочекъ ноютъ, и молоко у мертвой матери ищутъ.

Такъ жалко ему ихъ, бѣдныхъ сиротъ, стало. Какъ родныя ему онѣ показались. Скотину онъ любилъ и душу въ ней признавалъ.

„Дай, думаетъ, попрошу у солдатъ молока. Вѣдь не нехристы, жалость понимать должны. Принесу и напою малышей".

Повернулъ быстро назадъ, вошелъ въ избу и обратился къ компаніи: — „землячки, нѣтъ-ли молока у васъ.? Дайте животинку покормить, сдыхаетъ".

Уставились на него нѣмцы и стали разводить руками. Не понимаемъ, молъ.

„Эка, заморскія птицы, почесалъ въ затылкѣ Митюха. Какъ-же я вамъ объяснить должонъ. По-

пробую, може по ихнему коза, то-же козой называется".

Понимаете, коза тамъ лежитъ, подохла а колѣ нее сосунки.

— *Коза—капутъ*, продолжалъ онъ, подумавъ, что нашелъ не русское слово.

— Коза капутъ, тамъ, во дворѣ, показалъ онъ въ окно.

— Пять сосунковъ, растопырилъ онъ пальцы, пять штукъ, подохнутъ съ голоду.

— А каза — ка — путъ.

Только онъ повторилъ это, повскакали нѣмцы, будто ихъ кто шиломъ сзади пырнулъ.

Заметались по избѣ, дверей не найдутъ. Одинъ только забился въ уголъ, блѣдный, лица на немъ нѣтъ и визжитъ: „козакенъ тутъ, казакенъ тутъ". Видно, по-русски немного понималъ и сообразилъ слова Митюхи.

А Митюха диву дается!

Нашли нѣмцы выходъ, да и давай драть по полю, только пятки сверкаютъ.

Остались въ избѣ онъ, да нѣмецъ дрожащій, и какъ разъ тотъ, что въ его сапогахъ. Подошелъ къ нему Митюха и показываетъ на сапоги. Снимай молъ. Тотъ понялъ, быстро снялъ и сапоги, и мундиръ, каску съ себя, тычетъ ихъ Митюхѣ въ руки и кланяется.

„Русска солдата карашо, гутъ, карашо, говоритъ. И казака карашо".

Натянулъ Митюха сапоги не спѣша, напялилъ мундиръ, надѣлъ каску, осмотрѣлся, видитъ на столѣ сумка лежитъ — хорошая, кожаная. И ее захватилъ, винтовки двѣ черезъ плечо вскинулъ. А нѣмецъ его все дергаетъ за рукавъ и къ выходу тащитъ.

Вышли во дворъ, а на дворѣ ни души.

У воротъ къ столбу конь стоитъ верховой, привязанъ.

Подвелъ нѣмецъ Митюху къ коню, самъ отвязалъ, подсадилъ и показываетъ на дорогу.

Туда молъ, ѣзжай.

Не долго думая, погналъ Митюха коня. И смѣхъ его разбираетъ, и понять ничего не понимаетъ.

Часа три ѣхалъ Митюха.

Проѣзжалъ деревни, да на города онѣ похожи были; чистота всюду, улицы мощеныя.

Народъ попадался — всѣ ему кланяются.

Солдаты поглядятъ на сумку, что была на немъ надѣта, съ большимъ орломъ мѣднымъ, честь отдаютъ.

Къ вечеру, какъ къ дубравѣ подъѣзжать сталъ, видитъ — свои, русскіе. Обступили его, сперва за нѣмца приняли, а потомъ распознали.

Привели въ большую избу, офицеровъ много, два генерала сидятъ за столомъ, по картѣ пальцемъ водятъ. Стали его распрашивать.

Переглядываются, смѣются.

Когда сумку открыли, бумаги какія - то повыталкали, разбирать стали,--одинъ генералъ и говоритъ:

— Рядовой Ивановъ. Знай, что большую ты службу сослужилъ Царю. Этой сумкѣ, что ты захватилъ, цѣны нѣтъ. Молодецъ! Представлю тебя къ унтеръ-офицеру и къ Егорію.

— Радъ стараться, отвѣчаетъ радостно Митюха, а только, чтобы сумка была такая цѣнная - мнѣ не къ чему.

— А взялъ ее, больно сухари въ ней, мекаю, носить сподручно.

— Ладно ужъ, усмѣхнулся генералъ, — твое счастье. А теперь иди, завтра въ твою часть тебя направятъ.

Черезъ два дня Митюха попалъ въ свою роту и вечеромъ, сидя въ землянкѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка, диктовалъ грамотному пріятелю письмо:

„Любезная вы наша Авдотья Васильевна. Во первыхъ строкахъ маво письма желаю вамъ отъ-

Бога всего наилучшаго и родителю вашему старостѣ Василію Тихонычу и мамашѣ Варварѣ Степановнѣ. Крестикъ вашъ ношу, какъ святыню. Побывалъ я теперича въ плѣну у нѣмца и вернулся здравъ и невредимъ. Начальствомъ много доволенъ, получилъ Егорія на грудь и сталъ самъ начальникомъ унтеръ-офицерскаго званія. И теперь товарищи меня зовутъ не Митюхой, а Митріемъ Егоровичемъ. О васъ помню, какъ о звѣздочкѣ ясной, что въ небѣ свѣтится. И для васъ все тотъ же я Митюха, въ чемъ руку приложилъ".

МАХМУТКА.

И споволапый-же чортъ въ моей ротѣ былъ Махмутка!

Не то татаринъ, не то грузинъ или иного какого племени, никто доподлинно этого не зналъ. Да и отъ него вывѣдать не удавалось. Все больше молчалъ, либо такъ смѣялся, что зубы, какъ у волка, сверкали и глазищи ворочались.

А силища была лошадиная!

Только добро бы съ этой силищей уживалась какая ни на есть деликатность. Куда тутъ!

Изъ его лапищъ ничего путнаго не выходило.

Пошлешь его на дѣло—хоть дрова колоть,—начнетъ стараться (парень былъ тихій и старательный), такъ начпетъ садить, что либо вмѣсто дровъ—однѣ щепы, либо отъ топора—одни осколки.

Окопы рыть—опять бѣда: отъ лопаты — одни черепки. Проволочное загражденье ставить: начнетъ вбивать колъ, махнетъ раза три—а отъ кола одна верхушка въ землѣ виднѣется, проволоку натягивать станетъ—только обрывки въ рукахъ остаются!

И все это не изъ озорства, а степенно. Такую Господь силу далъ, да размѣръ умственный отнялъ, что хотѣлъ бы сдѣлать путное, а примется за дѣло, одна шкода!

Такъ мы и держали Махмутку для какого-нибудь лошадинаго дѣла.

Ворота-ли съ одного взмаху высадить — вотъ тутъ ему и дѣло. Бревно ли стащить для блиндажа (только остерегались въ это время близко къ нему находиться), кухню-ли изъ трясины вытащить, хлѣба-ли мѣшка три до окопа донести—

пожалуйте, Махмутка! А на легкія дѣла—упаси Богъ его пускать! Непремѣнно бѣда выйдетъ.

Особыхъ бѣдъ, правда, отъ его силищи не происходило, если не считать, что поломалъ онъ казеннаго инструмента порядочно, но былъ съ Махмуткой разъ случай, который останется въ памяти всей роты на вѣки вѣчные.

Къ вечеру было дѣло.

Послѣ ужина прибѣжалъ вѣстовой, зоветъ меня къ ротному. Явился.—Сидоровъ, говоритъ ротный, непремѣнно надо мнѣ достать въ эту ночь языка.—Замышляютъ что-то проклятые, шевелятся.—Начальство приказало раздобыть одного да допросить.—Къ колодцу ходятъ еще австріяки?

— Ходятъ, говорю, еще сегодня чуть свѣтъ пробирались трое, да напугали ихъ до смерти. Стрѣльба была мѣткая.

— Ну вотъ, говоритъ, и отлично. Возьми кого съ собою понадежнѣе да посильнѣе, проберитесь, залягте, да сцапайте. Будетъ сработано чисто, значитъ, третій крестъ получай.

— Слушаюсь, говорю, буду стараться.

— А кого съ собой возьмешь?

— Да Махмутку, говорю, кого другого? Трехъ, ежели придется, осилитъ и на себѣ принесетъ.

На этомъ, значитъ, и кончили.

Пришла ночь.

Растолковалъ я Махмуткѣ нашу задачу, спрашиваю: „понимаешь?“ А онъ зубы оскалилъ и мычитъ.

— Только, говорю, бросайся тогда, когда я скажу. А до тѣхъ поръ не моги ничего дѣлать.

Смѣется, чортъ, да и только. Махнулъ рукою, думаю, буду за нимъ слѣдить, авось сладимъ приказъ гладко.

Настала ночь.

Снарядились мы съ Махмуткой аккуратно, ничего лишняго, разулись для удобства и поползли.

Колодецъ отъ насъ былъ дальше, чѣмъ отъ австріяковъ. Въ ту сторону канава шла по опушкѣ лѣса, должно для осушки, старая, осыпавшаяся и сырая.

Вотъ полземъ, тихо такъ; я впередъ, а Махмутка сзади. Ночь выдалась ясная, лунная, да звѣздная, значитъ, для насъ не очень сподручная. Тишь вокругъ такая, что сердце слышно, какъ постукиваетъ. А сзади Махмутка ползетъ и такъ на всю округу сопитъ, что въ лѣсу стономъ отдается.

— Тише, говорю, заткни сопѣлку.

А онъ пуще. Теперь вспоминаю—можетъ мнѣ съ жути сапъ его показался такимъ громкимъ,— а тогда прямо зло взяло; вотъ, думаю, услужливый дуракъ, хуже ворога!

Ну ничего, доползли благополучно.

Залегли подъ обрывчикъ, около колодца былъ, ждемъ.

Хорошо, думаю, что Махмутка хоть брехать не горaздъ. Лежитъ рядомъ, сопитъ, а молчитъ. Пролежали мы эдакъ часа два, вдругъ слышу—хруcтнула вѣтка, кто-то шагаетъ легко такъ, крадучись. Затаилъ дыханіе, лапу Махмутки сжалъ — замри, значитъ,—и жду. Подошелъ къ колодцу австріякъ съ манеркой въ рукахъ, молодой и здоровый парняга.

Только онъ опустилъ канатъ съ ведромъ и заглянулъ въ срубъ колодца, я ткнулъ Махмутку впередъ. Мой малый щелкнулъ зубами, сдѣлалъ скачекъ,—и уже сидитъ на австріякѣ.

Я къ нимъ.

— Тащи, говорю, осторожнѣе, да, гайда, къ своимъ. Взялъ австріяка за руку, чтобы помочь, а рука не живая. Я за голову, а она свѣсилась на сторону. Вотъ тебѣ, и бабушка, Юрьевъ день! Въ одинъ мигъ задушилъ, значитъ, чортовъ сынъ!

Дѣлать нечего. Выругалъ сиволапаго, оттащили трупъ за канаву и опять засѣли. Я Махмуткѣ такъ и сякъ растолковать хочу, что приказъ намъ данъ языка привести живого, значитъ, а онъ урчитъ, да зубы скалитъ. Плюнулъ я съ досады и думаю: врешь, теперь безъ себя его не пущу, за каждымъ движеніемъ слѣдить буду.

Просидѣли мы съ полчаса,– слышу опять кто-то идетъ,—на мое, значитъ, счастье.

Приглядѣлся—вижу, маячутъ уже двое. Одинъ—мужчина рыжій съ бородой, другой помоложе. Идутъ тихо, будто недоброе чуятъ и въ полголоса говорятъ, да по сторонамъ поглядываютъ.

Вѣрно ищутъ перваго.

Я притянулъ къ себѣ Махмутку и больше на него гляжу, а не на гостей.

Только они съ нашей канавой равняться стали, какъ чортъ, вырвался отъ меня Махмутка и между ними очутился.

Не успѣлъ я за нимъ, а онъ схватилъ обоихъ за шиворотъ, да головами и стукнулъ.

Такъ они безъ стона и брякнулись. Я къ нимъ. Смотрю,—вмѣсто головъ—однѣ лепешки, да красно-бѣлая мокрота.

Плюнулъ я со злости и поползъ обратно, приказавъ Махмуткѣ ползти впередъ.

Явился къ ротному и доложилъ, какъ было дѣло. Думалъ, подъ арестъ посадитъ, что приказъ не исполнилъ,—анъ, ничего, сошло!

Только зарокъ я далъ съ непутевымъ, чортомъ, Махмуткой больше не связываться.

Ну его, къ лѣшему!

Такъ съ нимъ креста во вѣкъ не заработаешь!

ГЕРОИ ГОГОЛЯ

(Истинное происшествіе).

Въ „Русскомъ Словѣ" были помѣщены подробности разбиравшагося въ саратовской судебной палатѣ въ публичномъ засѣданіи дѣла о похожденіяхъ авантюристки Базарновой, 26-лѣтней малограмотной женщины, выдававшей себя за Великую Княжну Ольгу Николаевну. Финалъ разыгрался въ с. Голый Карамышъ, Камышинскаго уѣзда (всѣ факты взяты изъ судебнаго разбирательства).

Несмотря на то, что было 16-е мая, еще только начало лѣта, въ помѣщеніи почтово-телеграфной конторы села Голый Карамышъ было парно, какъ въ банѣ. Солнце безжалостно нажаривало въ желѣзную крышу, а въ открытыя окна, вмѣсто прохлады, неслась горячая пыль, въ серебристыхъ полосахъ которой неумолчно жужжали комары, дѣлали стойку мухи и роилась прочая нечисть.

Около окна другъ противъ друга сидѣли два почтово-телеграфныхъ чиновника XVI класса и томились отъ жары и ничегонедѣланія.

Одинъ—по фамиліи Закарякинъ, былъ худъ, какъ высохшая болотная осока, съ маленькимъ безцвѣтнымъ лицомъ, на которомъ расположились весьма симметрично нѣсколько большихъ, красныхъ угрей. Вихрастые волосы неопредѣленнаго цвѣта торчали въ разныя стороны и придавали лицу выраженіе застывшаго удивленія.

Товарищъ его—Пупырушкинъ—наоборотъ, былъ человѣкъ чистаго лица и пріятной наружности, дородный и представительный. Широкія плечи и грудь колесомъ говорили, что сей мужъ былъ силы

отмѣнной и здоровья испытаннаго. Въ дремучемъ лѣсу такіе пни здоровеннѣйшіе, „каряками“ прозываемые, — встрѣчаются на каждомъ шагу.

И шутки-же забавныя иногда судьба играетъ! Взяла да двумъ разумнымъ существамъ и перепутала фамиліи наоборотъ!

Такъ вотъ, оба, не какіе-нибудь, а *классные* чиновники были заняты серьезнымъ дѣломъ, благо начальникъ ихъ, коллежскій секретарь Митріевъ былъ углубленъ въ писаніе серьезной бумаги.

Закарякинъ, пристроивъ осколокъ зеркальца къ косяку окна, двумя руками приглаживалъ свои упорные вихры, попеременно наслюнивая то одну, то другую руку. Эти проклятые вихры были его мученіемъ, божескимъ наказаніемъ, мрачнымъ ужасомъ всей его жизни.

А сегодня, когда пойдетъ послѣ службы на обѣдъ къ лавочнику Аршинникову, онъ непремѣнно долженъ спросить шаловливую и лукавую Марѳиньку, единственную дочь этого купчины, пріятенъ онъ ей, или нѣтъ. Она-же можетъ опять посмотрѣть на его прическу и расхохотаться, какъ это было не такъ давно.

Пупырушкинъ-же, по характеру своему человѣкъ спокойный и разсудительный, сосредоточенно думалъ, какъ ему ловчѣе распредѣлить оставшійся рубль до 20-го числа, а въ это время, не нарушая теченія мыслей, осторожно ловилъ мухъ, стараясь не дѣлать шума и не привлечь на себя вниманіе начальства.

Начальство-же...

Ба! Да проститъ мнѣ великодушно, читатель!

Эдакая натура писательская. Начнешь изображать людей, да и увлечешься болѣе непосредственными натурами, которыя, такъ сказать, болѣе тебѣ близки и сердцу пріятны.

Упаси Богъ изъ этого вывести заключеніе, что я вообще начальства не люблю! Въ нашъ вѣкъ

чинопочитанія подобныя фривольности недопустимы. А то, чего добраго, въ твоемъ искреннемъ словѣ такое изыщутъ, чего во вѣкъ себѣ не простишь!

Нѣтъ, нѣтъ; не то у меня и въ мысляхъ было. А до начальства я еще не добрался потому, что хотѣлось изложить все чинно, благородно, какъ въ табели о рангахъ изложено. Сперва, значитъ, чины маленькіе идутъ, а потомъ поднимаемся по лѣстницѣ и выше.

Гдѣ-жъ это я остановился?

Да, припоминаю. Такъ вотъ, начальство въ лицѣ чиновника десятаго класса—коллежскаго секретаря и кавалера медали за всенародную перепись—Мелитона Ананьевича Митріева—было сегодня не въ духѣ.

Въ близорукихъ глазахъ его свѣтилось недовольство, а на лбу собрались складки, обычно предвѣщавшія чиновникамъ баню, да не ту „баню“, въ которую ты, читатель, привыкъ ходить съ вѣникомъ и мочалкою,—а баню, такъ сказать, въ переносномъ смыслѣ.... духовную...

Мелитонъ Ананьевичъ очень любилъ себя и весьма страдалъ, когда кто-нибудь обижалъ его.

А обиду онъ видѣлъ на каждомъ шагу и не только отъ твари живой, къ коей можно сопричислить всѣхъ животныхъ и человѣка,—но и въ предметахъ неодушевленныхъ. Для болѣе нагляднаго поясненія скажу, что Мелитонъ Ананьевичъ ежедневно ждалъ случая, когда судьба ему дастъ возможность выдвинуться и показать сильнымъ міра сего—чего онъ можетъ стоить!

Но случай этотъ не спѣшилъ, застрявъ гдѣ-то въ пути, и Мелитонъ Ананьевичъ продолжалъ киснуть въ селѣ Голый Карамышъ вотъ уже пятый годъ, не получая повышенія.

Сегодня съ самаго утра къ нему стали приставать мухи,—жара распарила, ночью приснился

дурацкій сонъ—и все это вкупѣ такъ на него подѣйствовало, что онъ рветъ десятый листъ и никакъ не можетъ написать складнаго рапорта.

А рапортъ этотъ касался весьма существенныхъ для него обстоятельствъ: первое—за вѣрную его службу и геройское, можно сказать, поведеніе (разъ въ недѣлю приходилось ему провожать денежную почту, а перегонъ въ 20 верстъ не шутка, если изъ нихъ, почитай, всѣ десять да еще съ гакомъ, надо ѣхать лѣсомъ!) онъ не получилъ ни одного ордена, а второе—ему до сихъ поръ не утвердили 13 руб. 73 к. разъѣздныхъ, полагавшихся ему за прошлый годъ. А у Мелитона Ананьевича была неисправимая страстишка, которую, думалось ему, никто не замѣчаетъ.

Онъ любилъ деньги, копилъ ихъ упорно и неукоснительно, превращая затѣмъ въ вѣрныя, процентныя бумаги.

И такъ, когда начальникъ и его оба подчиненные продолжали заниматься каждый своимъ дѣломъ, когда у Мелитона Ананьевича сталъ ладиться рапортъ, у Закарякина—приглаживаться вихры,—а Пупырушкинъ, пересчитавъ тридцать двѣ пойманныхъ имъ мухи, рѣшилъ вопросъ о рублѣ—и очень просто (купить на него ситнаго и съ чаемъ употреблять на ѣду до 20-го числа),—вдругъ заработалъ телеграфный аппаратъ.

Такъ какъ это была большая рѣдкость, ибо населеніе с. Голый Карамышъ весьма не часто прибѣгало къ этому дорогому способу общенія съ остальнымъ міромъ, всѣ трое насторожились, не зная, кому принять депешу.

Наконецъ, первый опомнился Закарякинъ, бросился къ аппарату, и по мѣрѣ того, какъ телеграфъ выстукивалъ буквы, лицо его стало принимать разнообразные оттѣнки изумленія, а прическа превратилась въ первоначальное состояніе.

Кончивъ пріемъ, онъ быстро переписалъ текстъ и подалъ начальнику дрожащими руками. Мелитонъ Ананьевичъ съ удивленіемъ воззрился на Закарякина, но, чтобы не терять своего достоинства—ничего не спросилъ и, произнеся глубокомысленное „гмъ!", углубился въ чтеніе депеши.

А она гласила слѣдующее: Село Таловское *срочно* сообщаетъ: „Приготовьте квартиру для Ея Высочества Великой Княжны"...

Мелитонъ Ананьевичъ, какъ сидѣлъ,—такъ и застылъ.

Въ головѣ его какъ молнія, пронеслась мысль:—вотъ твой „случай", Мелитонъ,—давно жданный, у судьбы выпрошенный! Вотъ оно, твое счастье, твое будущее!—если и теперь подгадишь—будешь дуракъ, дубовая башка и больше ничего!

Мелитонъ Ананьевичъ сильно втянулъ въ себя воздухъ, выпрямился и, сверкнувъ близорукими глазами, произнесъ:—Закарякинъ, немедленно сбѣгать за приставомъ и пригласить его сюда, да захватить старшину; чтобы сдѣлать это однимъ духомъ. Маршъ!—Пупырушкинъ,—немедленно сбѣгать къ пастору, къ отцу Василію и фабриканту Бендеру, чтобы они,безъ проволочки, были здѣсь! Да по дорогѣ забѣгите ко мнѣ и скажите Аксиньѣ, пускай проклятая баба стащитъ съ чердака сундукъ, да выколотитъ мундиръ отъ нафталина.

Оставшись одинъ, Мелитонъ Ананьевичъ сталъ нервно ходить по комнатѣ, обдумывая всѣ детали встрѣчи высокой особы, дергая себя для болѣе успѣшнаго теченія мыслей за лѣвый усъ.

Черезъ четверть часа лица, за которыми были посланы телеграфисты, явились.

Сперва появился приставъ—высокаго роста и по всей видимости весьма представительный мужчина,—если бы не носъ. Цвѣта всѣхъ оттѣнковъ радуги, онъ возвышался по срединѣ лица гордый, внушительный, набухшій и поразительный...

И что всего трагичнѣе, это неизмѣнное заявленіе, которое приставъ дѣлалъ, когда видѣлъ новое лицо; шаркая ногою и щелкнувъ шпорами, онъ рекомендовался: „Семеновъ 5-й, не пьющій“.

За Семеновымъ—не пьющимъ появился старшина, человѣкъ апоплексическаго вида, съ толстой шеей и краснымъ лицомъ. Не прошло минуты, какъ одинъ за другимъ прибыли пасторъ—съ одутловатымъ, бѣлымъ лицомъ, безцвѣтными глазами и похожими на ленъ волосами и дородный отецъ Василій съ громадной гривой, густой черной бородой и усами, вытиравшій красное потное лицо фуляровымъ платкомъ.

Немного позже—съ военной выправкой и аккуратно приглаженный—появился веснущатый мѣстный богатѣй—фабрикантъ Бендеръ.

Мелитонъ Ананьевичъ, храня все время глубокомысленное молчаніе, выждалъ, когда всѣ собрались, и тогда обратился къ нимъ:—Господа! Я счастливъ сообщить вамъ рѣдкостную новость: сюда, къ намъ сегодня вечеромъ прибудетъ высокая гостья. Вотъ телеграмма, которая сообщаетъ эту удивительную новость. И онъ передалъ телеграмму.

Воцарилось глубокое молчаніе.

Въ открытое окно врывался шумъ улицы. Гдѣ-то далеко раздавалась пѣсня подъ аккомпаниментъ гармоники.

Цѣлая стая веселыхъ воробьевъ усѣлась на телеграфную проволоку и громко перекликалась. Брошеный безъ призора мальчишка на панели, испугавшись пробѣжавшей собаки, благимъ матомъ заревѣлъ.

Въ комнатѣ почтмейстера было настолько тихо, что дыханіе Семенова пятаго—не пьющаго забавными руладами переливалось въ носу его.

Наконецъ, Мелитонъ Ананьевичъ снова нарушилъ молчаніе:—Къ достойной встрѣчѣ, господа,

осталось весьма мало времени. А что она должна быть достойна—вы сами понимаете. Совѣтую сейчасъ же приступить къ работѣ и заняться каждому своимъ дѣломъ.

Всѣ изъявили шумную радость и, переговоривъ о деталяхъ, поднялись и быстро разошлись въ разныя стороны.

Черезъ полчаса работа кипѣла повсюду. Сотни бабъ и дѣвушекъ были посланы рвать полевые цвѣты и траву и устилали ими улицы.

Появились флаги, гирлянды, матерія. Мѣстная молодежь, подъ командой сына пристава, гимназиста 7-го класса, Семенова шестого, формировалась въ конную команду.

Не былъ забытъ и оркестръ, состоящій изъ трубы, на которой игралъ приказчикъ фабриканта Бендера, флейты—органиста мѣстной кирки и барабана (сынъ почтмейстерской Аксиньи). Мелитонъ Ананьевичъ, красный и потный, въ разстегнутомъ мундирѣ, смятомъ и пахнущемъ за сто шаговъ нафталиномъ, съ торжественно болтающейся медалью за перепись,—поспѣвалъ всюду.

На этой почвѣ у него уже произошла ссора съ приставомъ, который предложилъ ему не совать своего носа, куда не слѣдуетъ, на что Мелитонъ Ананьевичъ отвѣтилъ съ достоинствомъ и не безъ яда, что ему „легче совать свой носъ, чѣмъ приставу".

Стало вечерѣть.

Изъ сосѣдняго озера потянуло свѣжестью; распустившаяся сирень, истомившись за день, разливала свой тонкій ароматъ по всему селу и тяжелыми гроздями тянулась къ освѣжѣвшему воздуху. Она виднѣлась въ многочисленныхъ садахъ, высматривала изъ-за ветхихъ заборовъ, склонялась съ берега къ водѣ озера. Бѣлая и лиловая, она красовалась на каждомъ шагу.

Главная улица села была сплошь занята наро-

домъ, нарядными бабами, чисто одѣтыми колонистами, мастеровыми и лавочниками. Около волостного правленія стояла вся знать села съ выборной депутаціей, съ хлѣбомъ—солью, во главѣ съ почтмейстеромъ и приставомъ.

Оба они еще злились другъ на друга и постепенно каждый дѣлалъ шагъ впередъ, чтобы быть первымъ. Благодаря сему, въ продолженіе часа ожиданія депутація, а за нею и толпа, подвинулись отъ волостного правленія шаговъ на двѣсти. Отдѣльными, враждебными партіями стояли священникъ съ выборнымъ причтомъ и пасторъ со своимъ приходомъ. Конная стража во главѣ съ Семеновымъ шестымъ выстроилась въ концѣ улицы.

На горизонтѣ, по дорогѣ, вьющейся съ горы изъ лѣса, показался всадникъ, окутанный клубами пыли. Это мчался посланный „на махалкѣ“ конный стражникъ.

Еще издали можно было видѣть, какъ онъ машетъ рукою.

Черезъ нѣсколько мгновеній было слышно, какъ онъ хрипло кричитъ: „ѣдутъ... ѣдутъ“..

Толпа заволновалась.

Четверо городовыхъ,—вся полицейская власть, сосредоточенная въ рукахъ пристава, едва могла сдерживать стихійный напоръ толпы.

Такія деликатныя выраженія, какъ: „чортъ... осади рыло... возьми ножищи въ карманъ“... слышались ежесекундно.

Состоящая изъ двухъ тысячъ считанныхъ душъ мужеска и женска пола,—она молчала и дышала однимъ дыханьемъ,—дыханьемъ ожиданія и почтительности.

Въ ясномъ и чистомъ воздухѣ при полной тишинѣ послышался крикъ, болѣзненный, предсмертный, полный ужаса. Это почетная конная стража раздавила одного изъ музыкантовъ—барабанщика, сына почтмейстерской Аксиньи.

Смерть произошла моментально, но никто не обратилъ вниманія на это, не идущее къ дѣлу, обстоятельство.

Когда, наконецъ, показалась тройка почтовыхъ лошадей въ простой бричкѣ, толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы. Воздухъ дрогнулъ отъ могучаго, согласнаго „ура“!

Тройка лихо подкатила, и изъ брички довольно неуклюже выскочила „великая княжна“ въ нарядѣ сестры милосердія.

Мелитонъ Ананьевичъ, выпрямивъ грудь, держа подъ лѣвой мышкой треуголку, въ правой рукѣ почетный рапортъ, ловко опередилъ пристава и, почтительно склонясь, проговорилъ:—Честь имѣю доложить вашей милости, что въ ввѣренной мнѣ конторѣ все обстоитъ благополучно.

„Княжна“ взглянула на него и промолвила:— Какъ отъ васъ скверно пахнетъ!

Мелитонъ Ананьевичъ поблѣднѣлъ. „Вотъ она, судьба проклятая,—ужаснулся онъ. Чортова Аксинья,—не могла выбить нафталина. Ну, да я ей покажу!..“

Безпорядочное теченіе его мыслей было прервано новымъ инцидентомъ: „княжна“ обратила взоръ на пристава и остановила его долго и упорно на злосчастномъ носу. Едва приставъ началъ свою фразу:—Приставъ четвертаго стана—Семеновъ—пятый—непьющій,—„княжна“ оборвала его довольно рѣзко: Врешь, горькую пьешь... Смотри у меня,—выгоню!..

Мелитонъ Ананьевичъ перевелъ духъ. „Не одному мнѣ попало. Авось, счастье мнѣ улыбнется“...

— Гдѣ же остальныя власти?—грозно спросила „княжна“.

Апоплексическій старшина, съ налитымъ кровью лицомъ и глазами палъ на колѣни и подалъ блюдо съ хлѣбомъ-солью.

„Княжна“ окинула его взглядомъ и рубанула:— Я недовольна, что у тебя много собакъ. Перерѣзать ихъ немедленно всѣхъ. Крестьянамъ объявить, чтобы сейчасъ же приступили къ сбору денегъ на армію. Тамъ льется кровь, а вы ломаете дурака. На лѣво-кругомъ, маршъ,—скомандовала она толпѣ.

Многіе, стоявшіе на колѣняхъ, стараясь исполнить приказаніе и повернуться кругомъ въ этомъ положеніи, попадали. Тѣмъ не менѣе, вся толпа, какъ послушное стадо, бросилось съ криками „ура“ по своимъ домамъ, чтобы исполнить волю „княжны“.

— Гдѣ мнѣ отведено помѣщеніе?—задала вопросъ она.

— Въ мейномъ фольваркѣ,—почтительно отвѣтилъ фабрикантъ Бендеръ.

— А ты нѣмецъ?—насупившись, спросила „княжна“.

— Нейнъ, нейнъ, ваше хохъ—высчоенство,— поспѣшилъ отвѣтить Бендеръ. Я русишеръ негоціантъ, русишеръ купчикъ.

— Смотри у меня,—погрозила „княжна“ пальцемъ.—Если нѣмецъ—повѣшу. Ну, показывай дорогу, иди впередъ.

Всѣ двинулись къ дому фабриканта, гдѣ жена его, Амалія Вильгельмовна, давно уже ждала съ обѣдомъ.

Около роскошно обставленнаго стола, накрытаго на двѣнадцать кувертовъ, выстроились всѣ гости, почтительно ожидая, когда сядетъ „княжна“.

Пригласивъ къ себѣ Мелитона Ананьевича съ одной стороны, пастора—съ другой, „княжна“ подала знакъ садиться. Всѣ сѣли и, не притрогиваясь къ яствамъ, ловили каждое слово „высокой особы“.

Наполнивъ рюмку ланинской водой, пасторъ всталъ и обратился съ рѣчью къ „княжнѣ“:

— Майне колонисты весьма кланяются „вашимъ высочествамъ“. Они говорятъ, что война—суть одно тѣло...

— Онъ хочетъ сказать „дѣло“,—поправилъ Мелитонъ Ананьевичъ.

— Да тѣло... тѣло,—а вашъ приходъ сюда, къ намъ въ нашъ скромный приходъ—другое тѣло...

— Тише... ш-ш-ш...! замахалъ ему приставъ.

Пасторъ смутился.

— Я поднималъ этотъ покаль и шумно сказаль—хохъ „кнажна“.... хохъ Бисмаркъ!...

Всѣ заволновались и смущенно глядѣли на „княжну“.

Но она не обращала ни малѣйшаго вниманія на оратора и на смущеніе представителей мѣстной знати, и уписывала за обѣ щеки колбасу, отправляя ее руками въ ротъ.

Мелитонъ Ананьевичъ нервно заегозилъ на стулѣ и почувствовалъ себя крайне неловко въ тѣсномъ мундирѣ. Какъ будто какой-то непрошенный червь сомнѣнія сталъ копошиться въ его мозгу.

„Полно, „княжна“ ли это?“—шепталъ ему голосъ благоразумія. „Да нѣтъ, быть не можетъ, что это самозванка. Вѣдь телеграмма.... срочная... Ошибки быть не должно“...

Онъ устремилъ пристальный взоръ на „княжну“ и сталъ внимательно изучать ея черты. Онъ оглядывалъ ея фигуру, руки, старался отклониться такъ, чтобы охватить профиль, присматривался къ глазамъ, скользнулъ взглядомъ по носу... и, о ужасъ!

„Княжна“ энергично запустила указательный палецъ въ носъ, долго имъ работала, и, наконецъ, извлекши изрядный багажъ,—старательно стала вымазывать его на скатерть.

Всѣ гости переглянулись другъ съ другомъ.

Въ этотъ моментъ незамѣтно и тихо появилось еще одно лицо. Въ дверяхъ стоялъ исправникъ,

отмахавшій 50 верстъ изъ города и грозно смотрѣвшій на авантюристку.

— Ваши документы!—прозвучалъ его голосъ, какъ громомъ поразившій всѣхъ.

— Какъ ты смѣешь?—вспыхнула „княжна"...

— Сердюковъ и Куцыба,—крикнулъ исправникъ городовымъ,—взять ее...

„Княжну" схватили и поволокли изъ комнаты.

Всѣ стояли смущенные, растерянные...

— Какъ вамъ не стыдно, господа,—сказалъ исправникъ. Чего-же глядѣли вы, Семеновъ, вы Мелитонъ Ананьевичъ?!

— ... Случай, Петръ Ивановичъ, тихо промолвилъ почтмейстеръ... выдающійся случай...

. . . .

.... Въ открытыя окна настойчиво и нѣжно неслись трели соловья.

Ароматъ цвѣтовъ врывался въ комнату.

Полная луна лила свой мягкій свѣтъ и покрывала темную зелень серебристыми волнами.

Вдругъ тишина ночи нарушилась страшнымъ воемъ, стонами, лаемъ...

Это старшина исполнялъ приказъ „княжны" и рѣзалъ всѣхъ собакъ села Голый Карамышъ.

На луну набѣжало облачко, и земля покрылась дымкой сумрака...

Отъ озера поднялись испаренія и блѣдными тѣнями плыли къ селу.

А можетъ быть, это душа безсмертнаго Гоголя спѣшила къ своимъ героямъ.

Кто знаетъ? Вѣдь „по ту сторону" такъ много таинственнаго...

— —

ПОРТРЕТЪ ПАНИ ЗОСИ.

— Какое существо можетъ быть болѣе загадочнѣе, неопредѣленнѣе, страстнѣе и холоднѣе, лживѣе и правдивѣе,—чѣмъ женщина?

Съ такими словами обратился ко мнѣ мой пріятель, лихой кавалерійскій офицеръ, послѣ скуднаго обѣда, приготовленнаго деньщиками.

Эти дни мы пользовались сравнительнымъ отдыхомъ, ибо стояли въ отдѣлѣ на летучей почтѣ и послѣ болѣе года непрерывныхъ боевъ были командированы начальствомъ—поддерживать связь между двумя отрядами. Миссія, хотя и не совсѣмъ безопасная, ибо нерѣдко приходилось сталкиваться съ непріятельскими разъѣздами и беречь службу связи отъ нихъ, тѣмъ не менѣе, это былъ громадный отдыхъ послѣ боевой напряженности послѣдняго времени.

Обстановка, окружавшая насъ, была крайне скудная. Полуразрушенная халупа, починенная солдатами, требовала основательнаго ремонта. Единственная комната блистала отсутствіемъ мебели, если не считать дряхлаго стола и одной скамейки, да нашихъ походныхъ кроватей и вьюковъ. Тѣмъ не менѣе, сознаніе, что ты находишься въ данную минуту подъ крышей, въ теплѣ, сидишь на скамейкѣ, за столомъ, при освѣщеніи керосиновой лампы, — все это давно забытое наполняло наши души довольствомъ и сибаритской лѣнью.

— Да, батенька, продолжалъ мой пріятель, затянувшись папироской, — женщина, — это удивительное существо! Повѣрь мнѣ, что я перевидалъ на своемъ вѣку не мало этихъ удивительныхъ созданій и чѣмъ больше я ими увлекался, тѣмъ

загадочнѣе онѣ мнѣ казались. Онѣ сотканы изъ цѣлаго ряда изумительнѣйшихъ противорѣчій. На моемъ многострадальномъ пути встрѣчались экземпляры, которыя поражали своимъ неземнымъ, ангельски-прекраснымъ обликомъ и которыя оказывались съ самой черствой душою, — и наоборотъ.

— Нѣтъ тѣхъ рамокъ, въ которыя можно былобы уложить ихъ натуру; нѣтъ тѣхъ невозможностей, которыя не покорила-бы ихъ сильная воля,—и нѣтъ предѣла тѣмъ разнообразнымъ капризамъ, которыя часто совершаютъ безвольныя женщины.

— Однимъсловомъ,—сохрани тебя Богъ повѣрить когда нибудь женщинѣ: если она захочетъ солгать, то сдѣлаетъ это такъ, какъ можетъ сдѣлать только лучшая актриса міра; но бываютъ случаи, когда она скажетъ чистую правду—и ты будешь клясться, что это ложь. Вѣрь мнѣ, что женщина сотворена на погибель насъ, бѣдныхъ мущинъ!

— Но дѣло не въ этомъ. Отбросимъ философію и приступимъ къ дѣлу. Я сдѣлалъ это предисловіе для того, чтобы разсказать тебѣ случай, который меня не удивилъ,—онъ вполнѣ отвѣчаетъ моимъ воззрѣніямъ, но тебѣ онъ покажется весьма забавнымъ.

— Ты помнишь, что во время августовскихъ боевъ я былъ посланъ съ эскадрономъ въ авангардный отрядъ и однимъ изъ первыхъ вступилъ въ Галицію.

— Послѣ сказочныхъ побѣдныхъ переходовъ и преслѣдованія австрійцевъ мнѣ было предписано остаться въ мѣстечкѣ С. и принять на время должность коменданта. Мѣстечко это весьма миніатюрное, поражало благоустройствомъ, какъ и всѣ мѣста Галиціи. Населеніе, состоявшее изъ евреевъ и поляковъ, встрѣтило насъ наружно доволь-

но дружелюбно. Поспѣшно бѣжавшій врагъ не успѣлъ ничего разрушить, и обычная жизнь горожанъ почти не была нарушена. Если не считать нѣсколькихъ австрійскихъ чиновниковъ, бѣжавшихъ передъ нашимъ неожиданнымъ появленіемъ и бросившихъ свои квартиры столь поспѣшно, что постели не были убраны и на столахъ красовались недопитые стаканы кофе, — все обстояло, какъ говорится, благополучно. Магазины торговали, „кавярни“ были полны народа; даже электричество свѣтило и миніатюрный магистратъ въ полномъ составѣ засѣдалъ въ магистратурѣ, рѣшивъ остаться и отдаться на милость побѣдителей. Посѣтивъ первымъ дѣломъ „отцовъ“ мѣстечка, успокоивъ ихъ и предписавъ успокоить населеніе, переговоривъ о вопросахъ полицейскаго порядка, я могъ, наконецъ, подумать о своемъ отдыхѣ и устройствѣ. Любезный полицейскій изъ поляковъ, торжественно оставшійся въ городишкѣ и не убоявшійся сѣверныхъ варваровъ, предложилъ мнѣ указать приличную квартиру бѣжавшаго съ войсками полицейскаго городского начальника. Она оказалась въ центрѣ С., весьма удобной, какъ для меня, такъ и для людей, которые съ конями могли расположиться въ сосѣднемъ зданіи пожарнаго депо. Тремъ моимъ офицерамъ отвели квартиру въ сосѣднемъ домѣ бургомистра.

— Когда я позвонилъ, мнѣ открыла дверь старуха довольно непрезентабельнаго вида со взглядомъ исподлобья. Мой чичероне быстро сказалъ ей нѣсколько словъ по польски и ввелъ меня въ квартиру.

— Ты помнишь эти квартиры съ такимъ, оскомину набивающимъ, трафаретомъ? Обстановка новаго стиля, но рыночнаго оттѣнка. Однѣ и тѣ же гостиныя подъ красное дерево съ жидкими, неудобными креслами, спальня — кошачьяго глаза,

рояль и жестяныя „бра“ подъ старинную бронзу.

— Черезъ нѣкоторое время, когда я оглядѣлся и хотѣлъ уже приступить послѣ долгой дороги къ омовенію, въ дверь постучали, и мрачная старуха явилась съ вопросомъ: буду-ли я ужинать?

— Я охотно согласился, потому что былъ голоденъ, какъ волкъ. Черезъ полчаса та же вѣдьма пригласила меня въ столовую и подала мнѣ отличный ужинъ.

— Ты самъ понимаешь, что послѣ обычной отповѣди жителей Галиціи, что у нихъ „ницъ нема, ни яекъ, ни млека, — шистко мадзяры взели“,—я отдалъ должную честь мастерски приготовленному ужину. Прислуживавшій мнѣ деньщикъ Денисъ къ концу ужина, улыбаясь, принесъ бутылку вина, оказавшагося венгерскимъ. Запыленная съ широкимъ дномъ и узкимъ горлышкомъ бутылка эта обѣщала нѣчно выдающееся. И, дѣйствительно, когда я осторожно откупорилъ ее, воздухъ наполнился тѣмъ тонкимъ, едва уловимымъ, но безконечно нѣжнымъ ароматомъ, который такъ дорогъ намъ, убѣжденнымъ цѣнителямъ хорошаго вина. Налитая въ рюмку янтарно-золотистая влага застывала по краямъ рюмки, какъ прованское масло, жирными извилистыми линіями, и каждый маленькій глотокъ этого нектара разливался по жиламъ, какъ расплавленное золото.

— Выпивъ нѣсколько рюмокъ этого царскаго вина, я почувствовалъ удивительную ясность мыслей, приливъ юношеской, радостной энергіи, но... ноги мои меня не слушались. Въ этотъ моментъ вновь появилась старуха и предложила мнѣ, не хочу-ли я „чарна-кава“? Я далъ согласіе и съ помощью Дениса нетвердыми ногами всталъ изъ за стола. Старуха быстро прошла впередъ и открыла тяжелую портьеру въ комнату, которую я раньше не замѣтилъ: представь себѣ комнатушку не болѣе аршинъ восьми въ квадратѣ, безъ оконъ

и дверей. Вся она, начиная съ пола и кончая потолкомъ, была завѣшена драгоцѣннѣйшими персидскими коврами. Вдоль двухъ стѣнъ, угломъ, была расположена турецкая тахта изумительной мягкости и удобства, а съ потолка свѣшивался фонарь роскошной азіатской, чеканной работы. Но интереснѣе всего въ этой комнатѣ, противъ тахты, былъ портретъ, во весь ростъ, турчанки. Написанный мастерски, онъ былъ, какъ живой. Въ воздушномъ костюмѣ баядерки, съ просвѣчивающимъ сквозь тонкій газъ—дивнымъ, розовымъ тѣломъ, она, эта баядерка въ позѣ, готовой поплыть въ томной восточной пляскѣ или ринуться въ бѣшеномъ вихрѣ, — стояла предо мною, — покорная и выжидающая только знака своего повелителя. Юное личико было обрамлено волнами матовыхъ кудрей, ниспадавшихъ до колѣнъ. Тонкія ноздри точенаго носика, какъ бы дрожали отъ страсти, а густыя дугообразныя брови и длинныя рѣсницы бросали на лицо нѣжныя тѣни.

— Но лучше всего—были глаза! Эти глаза, будто написанные сказочнымъ мазкомъ Ванъ-Дейка или Рубенса — глядѣли мнѣ въ душу, проникали въ мозгъ, искрились и мерцали.

— Да, да, мерцали! Не улыбайся такъ скептически. Во первыхъ—я былъ не особенно трезвъ, а во вторыхъ—мягкое освѣщеніе оригинальнаго фонаря, именно, такъ странно окрашивало глаза, что казалось, будто живая сила переливается въ нихъ, играетъ, колеблется. Я былъ очарованъ и не могъ оторваться взглядомъ отъ этого портрета.

— Когда явилась старуха и, къ моему удивленію, принесла мнѣ чашку настоящаго, турецкаго кофе—горячаго, какъ, навѣрное, поцѣлуй этой баядерки, и душистаго, какъ садъ падишаха, естественно, что я обратился къ старухѣ съ вопросомъ, чей это портретъ. Мрачная старуха весьма односложно пояснила мнѣ, что это хозяйка дома,

пани Зося, уѣхавшая съ мужемъ передъ нашимъ наступленіемъ „до Кракова“, и что она хотя и полька, но мать ея была гречанкой или армянкой.

— Пожалѣвъ въ душѣ, что война заставила бѣжать этотъ дивный оригиналъ портрета,—я отпустилъ старуху, и, давъ себя въ руки Дениса, который ловко и проворно меня раздѣлъ, отпустилъ его съ приказомъ разбудить меня рано утромъ. Послѣ этого я рѣшилъ до сна немного помечтать и понѣжиться.

— Закуривъ папиросу изъ массивнаго чернаго дерева ящика, стоявшаго на единственномъ низкомъ столикѣ около тахты, я предался мечтамъ...

— Постепенно я впалъ въ легкій сонъ. Утомленіе, напряженность нервовъ за время послѣднихъ боевъ, ломота въ пояснницѣ послѣ безпрестанныхъ переходовъ—все это смѣнилось тихимъ покоемъ, почти нирваной... Какая-то неизъяснимая, тихая радость наполнила мое сердце и томная нѣга разлилась по жиламъ. Въ отдаленіи грезилась мелодія, пѣвучая и грустная, нѣжная и убаюкивающая... Глаза портрета панни Зоси, въ которые, казалось мнѣ, я глядѣлъ не отрываясь, то расширялись и приближались ко мнѣ, то отступали. Они дѣлались то безконечно грустными, то вспыхивали внутреннимъ жаромъ и манили вглубь бездной страсти.

Вдругъ сказочно-настроенное воображеніе заставило меня повѣрить, что портретъ панни Зоси ожилъ. Вздрогнули руки, державшія тамбуринъ, заколебался газъ.

— Легкими, плавными движеніями подошла она ко мнѣ и сѣла рядомъ.

— Теплыми, пахучими руками обвила мою шею и влажными губами прильнула къ моимъ губамъ.

— Распущенные волосы разсыпались кругомъ моего лица и шелковистость ихъ пріятно ласкала мою кожу.

— Съ порывомъ глубочайшей нѣжности она осыпала мои глаза, лицо, шею горячими поцѣлуями.

— Я съ жаромъ отвѣчалъ и до того реально, что мысль, что это только сонъ, прекрасный, чудный сонъ, отлетѣла отъ меня далеко...

— На утро я поднялся съ головной болью и съ большой неохотой покинулъ эту странную квартиру, ибо получилъ предписаніе выступить дальше.

— Ну, какъ тебѣ покажется это приключеніе? спросилъ мой товарищъ, вопросительно глядя на меня.

— Что-же тутъ особеннаго? задалъ я ему, въ свою очередь, вопросъ. Ты былъ утомленъ и нервенъ. Крѣпкое вино, эссенція кофе, плотный ужинъ и игривыя мысли, благодаря портрету,—вотъ и все.

— Мало-ли какіе сны могутъ присниться!

— Это мало объяснимо,—но совершенно понятно.

— А будетъ ли тебѣ еще болѣе понятно, отвѣтилъ онъ усмѣхнувшись, если я покажу тебѣ вотъ это?

И онъ бережно развернулъ свой бумажникъ и, вынувъ конвертъ, протянулъ мнѣ его.

Изящный лиловатый конвертъ издавалъ тонкій, пряный ароматъ. На немъ тонкимъ женскимъ почеркомъ было написано: „Паментка пани Зоси".

Развернувъ его, я вынулъ перевязанный ленточкой густой локонъ черныхъ волосъ.

Я развелъ руками.

— Это то, что я нашелъ спустя нѣсколько дней у себя въ боковомъ карманѣ, съ улыбкой сказалъ мнѣ онъ.

— И ты не бросился сейчасъ-же обратно? воскликнулъ я...

— Служба прежде всего, отвѣтилъ онъ серьезно...

ЛЮБОВЬ.

— Да, батенька, много курьезовъ бываетъ на свѣтѣ, продолжалъ мой собесѣдникъ, взобравшись поудобнѣе съ ногами на походную кровать.

— Если хочешь, я разскажу тебѣ еще исторію, въ которой ты усмотришь, что я безконечно правъ въ твердо составленномъ мнѣніи о женщинахъ. Онѣ коварны, часто лживы, съ отсутствіемъ всякой логики.

— Тамъ, гдѣ мужчина, благодаря оцѣнкѣ положенія, вслѣдствіе логическаго сопоставленія поступилъ бы опредѣленнымъ, положительнымъ образомъ, женщина непремѣнно сдѣлаетъ наоборотъ.

— Ты знаешь, что древній востокъ, такъ тонко изучившій женщину, имѣетъ много глубокомысленныхъ пословицъ. И одна изъ нихъ гласитъ: „Если ты хочешь правильно поступить въ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ — спроси совѣта у женщины — и сдѣлай наоборотъ“. Въ этой оригинальной пословицѣ сказалась вся мудрость восточной жизни, полной таинственности.

— Еще одна оригинальная женская особенность. Если ты имѣлъ на своемъ вѣку любовницъ, не удивлялъ-ли тебя въ нихъ стереотипный отвѣтъ на вопросъ, какимъ по счету ты имѣешь счастье быть любовникомъ — всегда „вторымъ“. Почему не первымъ и не третьимъ, — это ихъ женскій секретъ.

— Послушай, дорогой, прервалъ я разсказчика, твои теоріи мнѣ надоѣли уже вчера, когда ты мнѣ разсказывалъ случай „съ портретомъ пани Зоси“; отбросивъ предисловіе, удовлетвори мое любопытство безъ философіи.

— Изволь, согласился онъ.

— Итакъ, слушай. Ты помнишь, что весною я камандовалъ сотней X казачьяго полка. Сотня была выдающаяся, люди — молодецъ къ молодцу, хотя много и стариковъ; кони въ тѣлѣ, выносливости изумительной. Офицеры — старшій льготный подъесаулъ — извѣстный охотникъ и спортсменъ, весельчакъ и лихой парень. Молодежь, — трое — ребята не глупые, храбрые и сердечные. Однимъ словомъ, сотня была самая лихая и отмѣнная. Австріяки, особенно мадьяры и венгерцы — гусары, боялись насъ, какъ чертей. Жили мы дружно, душа въ душу. Ты знаешь, что, вообще, въ строю, въ дѣйствующей арміи нѣтъ и рѣчи о той кислотѣ, военно - бюрократической казуистикѣ, пакостныхъ интрижкахъ и рядѣ подвоховъ, какіе обычно царятъ въ штабахъ. Передъ тобою все ясно и просто. Смерть, по простотѣ своей, крѣпко спаиваетъ насъ дѣйствующихъ армейцевъ и вытѣсняетъ все свободное мѣсто, гдѣ бы могли притаиться скверненькія дрязги. Моя - же сотня по службѣ своей была примѣромъ даже и среди всего полка. Итакъ, послѣ безконечныхъ перемѣщеній съ мѣста на мѣсто въ перемѣшку съ опасными и лихими разъѣздами, мы получили опредѣленное назначеніе и стали на отдыхъ въ галиційскомъ мѣстечкѣ Т. Отвели мнѣ съ моими офицерами квартиру въ хорошемъ особнячкѣ, утопавшемъ въ густомъ вишневомъ саду.

— Когда мы наскоро обосновались въ двухъ комнаткахъ, явился естественный вопросъ: какъ мы будемъ питаться?

— Стряпанье нашихъ вѣстовыхъ и деньщиковъ намъ надоѣло, и хотѣлось, чтобы къ пищѣ земной прикоснулась-бы опытная женская рука. Вопросъ разрѣшился быстро и весьма для насъ благопріятно. Черезъ нѣкоторое время улыбающійся хитрой улыбкой, Денисъ доложилъ, что пани, хозяйка дома проситъ съ нею поговорить. Мои офицеры насторожились,—я приказалъ ее просить.

— Представь себѣ наше радостное изумленіе, когда въ дверяхъ показалась скромно, но изящно одѣтая русская красавица. Говорю „русская" потому, что никто не обладаетъ такой лебединой поступью, тонкимъ станомъ и мощными плечами, высокой грудью, красавицей—косой и ясными, голубыми глазами, какъ русская дебелая краса-боярыня, съ такимъ искусствомъ изображавшаяся кистью покойника Маковскаго.

— Вошла она, опустивъ свои глаза долу, съ бровями соболиными—и чуть не поклонилась по старинѣ, рукою до земли. Мои ребята такъ и ахнули.

— Да и я, признаться, вспыхнулъ и ощутилъ сердцещипаніе. Есть такое знаешь-ли, шестое чувство, которое проявляется особенно сильно при какихъ-либо настойчивыхъ желаніяхъ: такъ это ударитъ тебѣ въ сердце, а на ухо слышишь—„анъ, нѣтъ,—анъ не будетъ!—получай шишъ!"

— Ну, предложили мы ей сѣсть, стулъ подставили ей всѣ вмѣстѣ и стали ее разспрашивать. Вотъ тутъ то, кто по польски научился, сразу сталъ хозяиномъ положенія.

Стала пани Станислава привѣтлива съ нами, болтаетъ, смѣется, но чтобы кому предпочтеніе—ни, ни! Всѣмъ по очереди улыбается, зубами своими дивными поблескиваетъ, лучами глазъ своихъ душу веселитъ.

— Вѣришь-ли, съ того самаго дня стали мы всѣ какъ оголтѣлые дураки. Всѣ влюбились по уши, буками другъ на друга смотримъ. А она, какъ оказалась, чистокровная полька, жена австрійскаго офицера, хоть бы кому предпочтеніе отдала. Ходитъ въ саду, по дому распоряжается, веселая да привѣтливая, а со всѣми ровная, на диво! А мы и такъ, и этакъ увиваемся, конфеты ей, цвѣты подносимъ, сапы разные придумываемъ, окапываемся другъ отъ друга,—никакихъ успѣховъ!

— Прямо зло взяло!

— Да ко всему этому видимъ, что женщина, эта съ такимъ дивнымъ для любви обликомъ холодна, какъ ледъ.

— Тутъ это луна, ночи ароматомъ весеннимъ напоенныя, души томленіе и все такое прочее...

— И серенады вышли на сцену, пѣсенники съ донскими чарующими пѣснями, за душу хватающими. Цѣлой сѣтью тонкой любовной атмосферы ее окружили, хоть бы что! Со всѣми одинаково ровна и привѣтлива. Слѣдимъ другъ за другомъ ночи не спимъ, и всѣ до одури томимся. Наконецъ, кто по-впечатлительнѣе, окончательно выдержку потерялъ, и народъ такъ грызться сталъ, что вижу я—дѣло плохо. Вотъ-вотъ въ раскаленной атмосферѣ разразится гроза и бѣда приключится.

— На счастье наше пришелъ приказъ сниматься и выступать въ походъ. Ну, самъ знаешь, сборы у кавалериста не велики. Собрали вьюки, посѣдлали, да къ конямъ.

— Выстроилась сотня, доложили, что все готово, офицеры ко взводамъ,—выхожу и я. Поздоровался съ сотней и намѣреваюсь уже командовать къ выступленію, подскакиваетъ ко мнѣ вахмистръ и докладываетъ, что урядника Судейкина нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, кричу, чорта тебѣ въ зубы, почему нѣтъ?

— Не могу знать, говоритъ, только что былъ, самъ видѣлъ, а нигдѣ нѣтъ!

— Подивился я не на шутку, ибо Судейкинъ считался образцовымъ казакомъ. Тихій и задумчивый, съ постоянной грустью въ большихъ сѣрыхъ глазахъ, не то, чтобы красивый, а мужчина вродѣ какъ „съ изюминкой“,—помнишь, у Толстого на счетъ женщинъ есть,—всѣмъ онъ намъ былъ дорогъ и любимъ. Стройный, рослый и гибкій, съ черными усами и свѣтлой чубастой гривой—онъ былъ крайнѣ оригиналенъ. Какая-то природная,

не отъ міра сего, чувствовалась въ немъ интеллигентность. Да и въ бою былъ смѣтливъ и удалъ.

— Только это я хотѣлъ распорядиться спѣшить человѣкъ пять и послать на поиски, какъ изъ калитки сада бѣжитъ запыхавшійся и смущенный Судейкинъ и наскоро закидываетъ за спину винтовку. Я его принялъ, какъ слѣдуетъ, и разсыпался витіевато, по родственному, да и замеръ. Слова мои повисли въ воздухѣ.—Представь себѣ, за нимъ, съ распущенными волосами, съ залитыми слезами лицомъ, простоволосая и растерзанная появилась наша красавица пани Станислава. Съ безумными рыданіями припала она къ стремени сѣвшаго на коня Судейкина и стала осыпать ноги его поцѣлуями. Вся сотня такъ и замерла. Офицеры мои покраснѣли и дикими глазами стали переглядываться. А ясное утро, струйчатый воздухъ дрожалъ отъ рыданій пани Станиславы. Слова любви, стихійной, страстной любви, полной нѣжнаго обожанія, такъ и разсыпались, какъ драгоцѣнный жемчугъ, высыпанный изъ завѣтной шкатулки.

— Погналъ я сотню съ мѣста на рысяхъ, и долго еще слышно было, какъ любящая женщина сердце свое надрывала.

— Вотъ, тебѣ, батенька, и все!

— Пойми послѣ этого женщину. Мало, что офицеры мои, въ особенности хорунжій Копыловъ, были красивы, интересны, интеллигентны! Въ стоянкѣ нашей находился штабъ N корпуса—и тамъ вся публика была увлечена паней Станиславой. А она предпочла простого казака.

— Да братъ, любовь—это сложная штука, въ особенности у этихъ неопредѣленныхъ созданій, женщинъ!

И разсказчикъ мой грустно вздохнулъ...

КРОВАВЫЙ ПУТЬ

*(Посвящается рядовому *** пограничнаго Заамурскаго полка Красноперову).*

Ночь... чудная, лѣтняя ночь
Дышетъ цвѣтовъ ароматами.
Тучки спѣшатъ и скрываются прочь
Вереницами остро-зубчатыми.
То туманомъ покроютъ луну волоокую,
То дымомъ растаютъ во тьмѣ...
И тайну нѣмую, ночную, глубокую
Мчатъ въ зачарованномъ снѣ...

Тихо надъ спѣлой, красавицей—нивою,
Тихо... въ высокихъ овсахъ.
Шорохи чудятся тайно-лѣнивые
Изрѣдка въ пестрыхъ межахъ...
Чье-то дыханіе скрытое слышится,
Чей-то подавленный стонъ...
И надъ овсомъ замираетъ... колышется,
Будто кузнечиковъ звонъ...

Господи, Боже! услышь, Всепрощающій,
Внемли молитвѣ простой!
Молитъ Тебя за Царя умирающій
Въ битвѣ сраженный герой.
Пятую ночь по кровавому слѣду
Тихо ползетъ отъ враговъ;
Пятую ночь безъ воды и безъ хлѣба,
Счетъ потерявши шаговъ...

Раны загнили... тѣло разбито,
Скорбно уста запеклись...
Кровью геройская грудь вся залита.
Отдохни... вотъ роса... освѣжись...

Жадны уста... и съ цвѣтовъ ароматныхъ
Слезы онъ чистыя пьетъ,
Вновь набирается силъ благодатныхъ
И снова съ молитвой ползетъ...
Дивны пути Твои, Богъ Вседержитель,
Дивны они въ небеси...
Путь указалъ Ты ему, Искупитель,
. . . . Его подобрали свои...

КРОВАВЫЙ ПУТЬ.

I.

Михаилъ Красновъ былъ средняго достатка мужикъ.

Хоть здоровьемъ Богъ малость его обидѣлъ, былъ онъ на грудь слабъ и сердцемъ трепетенъ, зато въ хозяйствѣ достаточенъ, надѣлъ земли имѣлъ на три души, и въ семейной жизни былъ счастливъ. Жену взялъ Степаниду изъ пригорода, да не такую, какъ другія, модницы и вертушки, а степенную, богобоязненную и отмѣнную работницу.

Понравились они другъ другу какъ то сразу, а черезъ день и поладили между собою.

Спервоначалу родители Степаниды и слышать не хотѣли о свадьбѣ.

Не такого мужа прочили они своей единственной дочкѣ!

Мало ли въ торговомъ уѣздномъ городѣ молодцовъ—жениховъ проживаетъ! Въ городѣ двѣ фабрики, суконная да бумажная, свѣчной заводъ, оптовыя торговли всякія и фабричнаго, мастерового люда непочатый край.

Есть работники, по пятидесяти и болѣе бумагъ получающіе, женихи завидные, есть кому сдать

Степаниду въ вѣрныя руки, а тутъ присталъ мужикъ и сманиваетъ на жизнь деревенскую, сѣрую...

Такъ разсуждали старики, но, въ концѣ концовъ, сдавшись на слезы дочери и на просьбы Михаила, махнули рукой и благословили.

Не особенно весело попировали на свадьбѣ, поплакали, погоревали и остались безъ дочери...

Не прошло и года, какъ старики совсѣмъ примирились съ зятемъ.

Тихій и покорный, ласковый и почтительный, онъ берегъ свою Степанидушку, какъ зеницу ока, а за стариками ходилъ, какъ за своими кровными.

Бывало соберутся они погостить къ дочкѣ изъ опостылаго своего пригорода, гдѣ вѣкъ свѣковали, вырвутся на чистый деревенскій воздухъ по веснѣ или въ ядреный лѣтній день и проведутъ дней пять на деревнѣ.

Тихой, нѣжной лаской встрѣтятъ ихъ молодые. Не знаютъ, гдѣ посадить, чѣмъ попотчивать—накормить. Напекутъ блиновъ на маслѣ свѣжемъ отъ своей коровы, лепешекъ на сметанѣ, коржиковъ, да варенухъ. Ввечеру въ маленькомъ садикѣ за избой чай начнутъ пить со свѣжимъ вареньемъ изъ лѣсной малины или съ медомъ изъ своей маленькой пасѣки.

А и медъ же хорошъ!

Прямо царскій медъ, первѣйшаго сорта. Въ столицахъ, да за деньги, такого меду не сыщешь!

Онъ и прозрачный, и густой, и золотистый, съ переливами, и сладкій, да пахучій, что липовъ цвѣтъ подъ вечеръ, послѣ раскаленнаго дня...

Любили старички посидѣть за вечернимъ чаемъ и самоварчика два опростать.

Въ саду тихо и прохладно.

Пыль съ околицы сюда не доходитъ, уличный шумъ доносится слабо, яблони въ цвѣту, а аро-

матъ полевыхъ цвѣтовъ въ вечерней прохладѣ, послѣ томительно-жаркаго дня такъ и вдыхается полной грудью...

Съ сосѣднихъ луговъ пахнетъ скошеннымъ сѣномъ, свѣжестью усыхающаго болота, дымкой разведеннаго къ ужину, въ ближайшей избѣ, очага...

Сидятъ старики на лавочкѣ за столомъ и ведутъ съ молодыми мирную бесѣду.

И хорошо у нихъ на душѣ, рады они за свою ненаглядную дочку, Степаниду!

А она, румяная да дебелая, на деревенскомъ воздухѣ переродившаяся, ходитъ радостная, въ работѣ спорая, стариковъ угощаетъ, по двору поспѣваетъ, сына—первенца накормитъ, мужа мимоходомъ поцѣлуетъ.

А тотъ на нее глядитъ, не наглядится, да проситъ ее работой себя не насиловать, не изнурять, за нее готовъ все, что нужно, сдѣлать.

Такъ счастливо и завидно жили Красновы пять лѣтъ, и не разу не было между ними ни ссоръ ни брани.

Жили не богато, по своимъ небольшимъ достаткамъ, но и не бѣдно. Въ кубышку денегъ не клали, не скопидомничали, а что земля да честная, по совѣсти, работа давали, то и проживали.

Слава Богу, не безъ милостей Господь, двухъ дѣтокъ имъ далъ, Васю да Фросю, въ честь дѣдки да бабки названныхъ.

Казалось, все-бы хорошо, тишь да гладь, Божья благодать, такъ-бы и жили до тихой старости, но приключилась бѣда, грозная, страшная бѣда, да не для Красновыхъ однихъ, а для всего крещенаго міра...

Стоялъ жаркій іюльскій день.

Съ самаго ранняго утра, чуть свѣтать стало, заложилъ Михаилъ Буланаго, захватилъ съ собой незатѣйливый обѣдъ—хлѣба краюху, луку, да

крынку молока и, съ вечера отбивъ, какъ слѣдуетъ, косу, поѣхалъ въ дальнее поле косить вику. Степанида съ дѣтьми дома осталась, хлопотъ по горло: къ полудню коровъ пригонятъ, подоить надо; опара готова—сажать въ печь хлѣба приспѣло; сѣно въ ригѣ лежитъ, при уборкѣ дождемъ тронуло, надо на гумнѣ разбросать, просушить, птицу накормить, телятамъ болтушку заправить. Да мало-ли дѣлъ по хозяйству заботливой и домовитой бабѣ?

А Михаилъ добрался до поля, распрегъ Буланаго, стреножилъ и сталъ на косьбу.

И странное дѣло!

Ужъ ему-ли не привыкать—стать съ пяти часовъ утра махать косой до полудня?

Бывало на мірской косьбѣ, по за рѣкой лугъ общественный есть, идетъ первымъ номеромъ и не оглядывается.

Рука разошлась—широко беретъ. Какъ бритва, остра направленная коса, такъ и рѣжетъ сочную траву, и она ложится слѣва правильными, влажными кудрявыми волнами. А за первымъ номеромъ, съ растегнутыми воротами рубахъ, съ засученными рукавами еще идутъ номеровъ двадцать и не успѣваютъ съ лица потъ рукавомъ смахнуть. А Михаилу нипочемъ, даромъ, что здоровьемъ не вышелъ. Всякаго здороваго могъ замотать.

Не то вышло на этотъ разъ.

Какъ началъ косьбу—сразу на карягу нарвался и косу защербилъ.

Только отбилъ ее, не по рукѣ стало. Не то заклинилъ неправильно, не то ручка не такъ насажена. Возился—возился, не прошелъ и трехъ полосъ, а солнце уже высоко, должно на десятый часъ перевалило. Не спорится у Михаила работа, а тутъ еще сердце заныло, да такъ тоскливо, что хоть бросай работу...

И раньше съ нимъ это бывало, отъ солдатчины

его избавили даже—говорятъ, грудью не вышелъ и сердцемъ слабъ,—но никогда онъ не испытывалъ такого щемленія въ груди, такой тревоги на сердцѣ.

Какъ будто большая тяжесть на него свалилась, да такъ его къ землѣ и придавила.

Прошелъ еще полосу, чувствуетъ—силъ нѣтъ. Поймалъ Буланого, запрегъ и поѣхалъ домой. Только подъѣзжать сталъ къ селу, видитъ, что-то случилось особенное. День будній, а съ колокольни церковный звонъ.

Народъ съ утра самаго на поле пошелъ, а сейчасъ народу—вся, почитай, деревня, суетливость идетъ, старики кучей стоятъ, гуторятъ.

„Пожаръ, что-ли, тревожно думаетъ Михаилъ, почему народъ мечется?

„Анъ, нѣтъ,—дыму не видать и криковъ не слышно."

Наконецъ, въѣхалъ въ деревню, а ему навстрѣчу сотскій.

— Эй, дядя Иванъ, скажи, что за оказія, колоколовъ звонъ и народовъ волненіе?

— А ты рази не знаешь? Война, братъ, нѣмцу заявлена, спѣшная, значитъ мобилизація...

— Иди къ церкви, сейчасъ отецъ Савелій Манифестъ Царскій читать будетъ...

„Вотъ оно что,—думаетъ Михаилъ".

„То-то на сердце было неспокойно!"

„Война!"

„Экое слово то маленькое, да простое, а сколько въ немъ кроется большого, да сурьезнаго!.."

Доѣхалъ до своей избы, сдалъ Степанидѣ лошадь, да скорѣе въ церковь.

Чуть поспѣлъ,—вся деревня уже тамъ, молятся и батюшку ждутъ.

Преобразился сельскій храмъ, только къ Свѣтлой заутрени выглядываетъ такъ людно, да празднично.

Жарко горятъ копѣечныя свѣчки передъ иконой Заступницы...

Мѣрно колышется пламя посеребреннаго паникадила и трепетно освѣщаетъ скорбный ликъ Распятаго...

Серьезны, вдумчивы загрубѣлыя лица молящихся.

Вотъ прислонился къ правому клиросу дряхлый старикъ и творитъ крестное знаменіе, беззвучно перебирая ввалившимися губами.

Вотъ юноша—парень сложилъ молитвенно руки и влажными глазами устремился къ царскимъ вратамъ...

А тамъ, въ углу, кладетъ частые поклоны молодуха и концомъ ситцеваго яркаго платка утираетъ стыдливыя слезы...

Сотня людей собралась подъ однимъ кровомъ, у каждаго свой душевный міръ, своя мелкая забота, а стоитъ эта толпа тихо, что кажется дыханіе каждаго слышно, и молится она одной молитвой, охвачена одной проникновенной мыслью...

Безшумно вышелъ изъ алтаря отецъ Савелій, семидесятилѣтній, но бодрый еще старикъ, и взволнованнымъ голосомъ сталъ читать Манифестъ...

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Слѣдуя историческимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно.

Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія . . . . и дальше . . . Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя

съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага...“

Какъ очарованный, вслушивался Красновъ въ великія Царскія Слова.

Нѣжная, радостно-тихая, необъяснимо-торжественная волна подымалась въ его душѣ. Неземной музыкой звучалъ старческій голосъ пастыря, дивнымъ свѣтомъ залита была скромная сельская церковь.

—„... да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага...“

Да, какъ одинъ человѣкъ, поднимется грозная Россія, поднимутся пахари—землепашцы со всѣхъ концовъ отъ моря и до моря и обрушатся на дерзкаго врага...

Кончилось чтеніе, кончился краткій молебенъ, тихая толпа покинула храмъ и шумнымъ потокомъ залила деревню, а онъ все стоитъ и шепчетъ знаменательныя слова:... „какъ одинъ человѣкъ!“...

— Эй, миляга, аль задремалъ?—громко спросилъ Михаила дьячекъ Петровичъ.

— И впрямь, кажись, задремалъ,—отвѣтилъ тотъ растерянно.

— Или обезпокоился, съ войной-то?—продолжалъ Петровичъ.—Да тебѣ что, вѣдь ты бѣлобилетчикъ!

— Я охотой пойду,—твердо отвѣтилъ Михаилъ.—Царь сказалъ: „какъ одинъ человѣкъ, да поднимется Россія“... а я развѣ не православный?

— Молодецъ, Красновъ. Пошли тебѣ, Господь здоровья... Въ добрый часъ...

Бодро и увѣренно шагалъ Михаилъ къ своей избѣ. Рѣшеніе идти на войну у него опредѣлилось разомъ и твердо, и никакія силы, чувствовалъ онъ, не въ состояніи будутъ перемѣнить его...

Степанида, встревоженная и нетерпѣливая, ждала у воротъ.

— Что, Миша, правда, сказываютъ, война?

— Правда, милая, правда. Война за православную вѣру, за землю нашу русскую, за братьевъ славянъ...

— Господи, спаси и помилуй! Горя-то, горя сколько будетъ! Хорошо, что тебѣ не идти...

— Нѣтъ, Степа, не идти нельзя...

— Царь кличъ кликнулъ и вѣритъ въ своихъ дѣтей... Люблю я тебя и ребятъ крѣпко, а долга своего вѣрноподданнаго забыть не могу. Поразмысли сама, баба ты умная, да по сердцу и скажи, правъ я, или нѣтъ?...

Помертвѣла Степанида. Ноги подкосились, въ глазахъ темно стало... Хочетъ слово вымолвить, голоса нѣтъ... Только руки протянула и головой склонилась на грудь къ Михаилу...

Недолгіе были сборы.

Черезъ недѣлю уже стояла Степанида на вокзалѣ и, крѣпко стиснувъ зубы, чтобы не разрыдаться, провожала глазами исчезающій поѣздъ, на которомъ уносился Михаилъ туда, гдѣ громыхали первые выстрѣлы, гдѣ кровь проливалась за правое дѣло, гдѣ сотни тысячъ русскихъ людей стали грудью за свою Родину...

Съ послѣдней исчезнувшей точкой, съ разсѣявшимся отъ паровоза дымомъ отлетѣло отъ нея самое дорогое, то, что составляло для нея смыслъ и привязанность къ жизни...

II.

Подъ д. Д. въ ночь на 1-е іюня 1915 года 40 человѣкъ развѣдчиковъ вышли на развѣдку, имѣя цѣлью опредѣлить силы противника и захватить, при удачѣ, плѣнныхъ. Въ этой развѣдкѣ, по собственному желанію, принялъ участіе и рядовой 4-ой роты Михаилъ Красновъ. Соблюдая

полную осторожность, медленно и безшумно двигались развѣдчики впередъ и около 2-хъ часовъ ночи незамѣтно подползли къ передовымъ окопамъ противника, внезапнымъ налетомъ бросились въ окопы австрійцевъ и черезъ нѣсколько минутъ послѣ кровавой схватки уже вели къ своимъ окопамъ 32 человѣка плѣнныхъ.

Хорошо помнитъ Красновъ, какъ онъ подъ покровомъ ночи тихо ползъ вмѣстѣ съ другими къ австрійскимъ окопамъ, какъ громко колотилось сердце въ его стѣсненной груди, какъ ночную тьму прорѣзалъ первый выстрѣлъ, какъ онъ съ громкимъ ободряющимъ крикомъ бросился впередъ и какъ, очутившись въ окопѣ, кололъ человѣка визжавшаго какъ пойманный за ногу поросенокъ.

Все это онъ помнитъ до того момента, пока, разгоряченный общей свалкой, онъ не получилъ жгучаго удара въ бедро. Вновь сомкнулась для него просвѣтлѣвшая отъ выстрѣловъ и ракетъ ночь, и онъ погрузился въ бездну.

Очнулся онъ отъ пронизывающей сырости и долго не могъ понять, гдѣ онъ и что дѣлается кругомъ.

Наконецъ, что-то липкое и густое, что холодило его и пугало, а главное —нестерпимая острая боль въ бедрѣ—заставили его окончательно придти въ себя и сообразить, что онъ раненъ и истекаетъ кровью.

Раскинувшійся надъ нимъ небесный шатеръ горѣлъ миріадами звѣздъ.

Большія и маленькія, яркія и чуть мерцающія, онѣ нѣжно играли, переливались разноцвѣтными огнями и струили на землю тонкіе лучи дивной силы...

Ночная прохлада была напоена ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и испареніями освѣженной травы...

Густой овесъ съ наливными зернами впитывалъ въ себя ночную свѣжесть и тихо шелестѣлъ стройными стеблями.

Изрѣдка сосредоточенную тишину прорѣзывалъ громкій выстрѣлъ, и шальная пуля жалобно пѣла, проворной змѣйкой шевеля овесъ и гдѣ-то зарываясь въ землю.

Осторожно, пересиливая боль, примостился Красновъ къ бугорку на межѣ и, съ нечеловѣческими усиліями, принявъ сидячее положеніе, снялъ индивидуальный пакетъ и сталъ перевязывать рану. Долго не давалась ему эта работа. Раненое мѣсто горѣло, какъ въ огнѣ, и невозможно было къ нему притронуться. Наконецъ, изловчившись, онъ наложилъ повязку, и въ тотъ моментъ, когда сталъ закрѣплять, жалобно застонала предательница—пуля и впилась въ лѣвую руку выше локтя. Какъ плеть, повисла рука страдальца, и тяжкій ударъ сотрясъ утомленное, истерзанное тѣло...

„Вотъ она, смерть пришла“, пронеслось въ мозгу у Михаила.

„Одинъ, совсѣмъ одинъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, отдавшій жизнь свою за Царя и милую Родину такъ дешево, такъ безславно!“

И жгучія слезы, слезы тихой скорби, одинокаго трепета, оросили лицо скромнаго героя.

А тамъ, въ далекой Россіи, въ родной его деревнѣ красавица—Степанида, его милая жена, любимая и желанная, не спитъ и думаетъ о немъ, о его ласкахъ, о томъ, что онъ ее никогда не обидѣлъ и отдалъ ей всю свою душу, все свое простое мужицкое сердце. И мерещатся ему ясныя синія очи и манятъ онѣ его силой таинственной, зовомъ невысказаннымъ. А рядомъ со Степой двѣ дѣтскія головки, темно-русыя, гладкія, и смотрятъ веселые глазки, и слышенъ дѣтскій лепетъ:

„Папа, ходь сюда, папа“,—и ручки пухлыя тянутся къ его груди.

„Неужели умирать? Или въ плѣнъ сдаться, голосъ подать, и враги—тоже вѣдь люди,—подберутъ меня, перевяжутъ раны и смерть отгонятъ?“

„Нѣтъ! никогда!“

„Предаться въ руки враговъ, продать свою честь православную, отнять у Царя и отдать врагу свою силу солдатскую—нѣтъ, не будетъ этого.“

„Лучше смерть среди полей родныхъ, здѣсь, на сырой землѣ, напоенной его кровью, лучше зарыться въ саванъ крестьянскій, въ густой овесъ, мужицкимъ потомъ выращенный, чѣмъ дать на поруганіе нехристю свое крещеное тѣло...“

„Ползти къ своимъ, что есть силы, добраться до нихъ и тамъ отдать Богу душу...“

Вотъ какое рѣшеніе принялъ герой.

Переваливишись на правый бокъ, на здоровую руку, поволокъ свое тѣло Красновъ.

Каждый шагъ приносилъ ему новыя мученія; раны горѣли, сочились кровью, яркими каплями стекала она на твердую землю и застывала сургучной крошкой...

Свѣтало...

Востокъ алѣлъ и разгорался.

Запуганные ночными выстрѣлами воробьи, забывъ жуткіе страхи, вновь весело чирикали, купаясь въ пыльныхъ ямкахъ, копошились въ колосистомъ овсѣ. Тяжелое воронье съ машистымъ звукомъ медленно движущихся крыльевъ, противно каркая, спѣшило на пиръ, чуя далеко любимый запахъ падали...

Боясь выдать себя врагу, Красновъ выискалъ наиболѣе густое мѣсто и рѣшилъ пролежать въ немъ весь день, чтобы съ наступленіемъ ночи вновь двинуться въ кровавый путь.

Нестерпимая жажда, приступы лихорадки и зудящая боль не давали ему возможности задремать, а ясный говоръ вражескихъ санитаровъ, искавшихъ раненыхъ и часто приближавшихся къ нему за нѣсколько шаговъ, заставляли его сливаться съ землею и не дышать...

Но вотъ настала ночь, вторая мучительная ночь, и вновь страдалецъ, собравши силы, двинулся впередъ.

Жгучая жажда, жажда, доводившая до потери разсудка, безпокоила его больше, чѣмъ обѣ раны. Жадными устами тянулся онъ къ цвѣтамъ, къ полевымъ колокольчикамъ, къ василькамъ и Ивану-да-Марьѣ, къ сурѣпкѣ и конскому щевелю и слизывалъ росу, какъ чистыя слезы блиставшія на цвѣтахъ и травѣ. И голодъ утолялъ онъ зернами овса, перетирая колосья здоровыми пальцами правой руки.

На четвертый день кроваваго пути, когда обезсиленный и полуживой онъ лежалъ въ глубокой, заросшей некошенной травою,—межѣ, Красновъ почувствовалъ какое-то новое, неловкое ощущеніе въ ранѣ на бедрѣ. Приподнявшись на край межи, онъ отлѣпилъ пучокъ травы, которымъ была прикрыта рана, и съ ужасомъ увидѣлъ, что тамъ копошатся черви, бѣлесоватые, противно-извивающіеся, и безпокойные.

Взявъ твердую былинку, онъ сталъ постепенно вылущивать червей и удалять гнойныя скопленія.

Несмотря на чудовищную боль, онъ имѣлъ мужество съ этихъ поръ продѣлывать это по нѣскольку разъ въ день и заставилъ себя переносить боль безъ единаго стона...

Наконецъ, настала пятая ночь тяжкаго пути.

Долго и горячо молился Богу Михаилъ. Съ чудной вѣрой въ сердцѣ, съ яснымъ свѣтомъ во взорѣ стремился мученикъ въ высь, безхитростная молитва проникновенно неслась къ Престолу Всевышняго!...

„Господи! Источникъ силы и Царь міра! Не дай рабу твоему умереть одному безъ покаянія, какъ нехристю! Смилуйся надо мною, направи на путь и прости прегрѣшенія мои...

„За Тебя жизнь свою отдаю, за Царя Православнаго смерть пріиму радостную, за Мать-Россію кровь свою проливаю—пошли смерть мнѣ праведную только у своихъ братьевъ, на ихъ рукахъ православныхъ“...

Подъ утро Красновъ доползъ до расположенія русскихъ войскъ и былъ бережно доставленъ на передовой перевязочный пунктъ.

И память о немъ, какъ о солдатѣ, исполнившемъ свято свой долгъ и не сдавшемся въ плѣнъ, никогда не заглохнетъ, а кровавый пятидневный путь его привелъ къ славѣ—вѣчной, немеркнущей!

ЛЕЛИНЪ ПОДАРОКЪ

(Пасхальный разсказъ).

I.

Христосъ Воскресе!

Съ Лелей не было рѣшительно никакого сладу!

То она носится, какъ угорѣлая, по всей квартирѣ и всѣмъ мѣшаетъ работать, то забьется куда-нибудь въ уголъ и сидитъ такъ тихо, что трудно бываетъ ее и найти.

Первая ругательница — няня Василиса — и та, какъ увидитъ въ такомъ „угловомъ“ состоянiи Лелю, такъ и всплеснетъ руками: „Ахъ, ты, Господи! опять съ дитей столбнякъ приключился! Не даромъ сонъ-то я нонче скверный видѣла!“ И начнетъ причитать безъ конца, весь домъ на ноги поставитъ.

А Лелѣ только того и надо. Глаза закатитъ, голову на бокъ склонитъ, ни дать, ни взять—мертвая; а самой такъ смѣшно, что губы до крови закуситъ, лишь бы не разсмѣяться. А потомъ, какъ дѣло дойдетъ до того, что сомлѣвшая отъ страха Василиса съ уголька начнетъ ее святой водой спрыскивать, она возьметъ да и высунетъ ей языкъ. Вотъ тутъ и пойдетъ потѣха! Откуда только у Василисы прыть возьмется. Носится тяжелая старуха за десятилѣтней Лелей по всѣмъ комнатамъ и норовитъ схватить ее за косы. До того развозятся, что выйдетъ, наконецъ, самъ отецъ Лели— крупный чиновникъ одного изъ столичныхъ департаментовъ и закричитъ такъ, что стѣны задрожатъ.

Но бывали минуты, когда въ голову Лелѣ лѣзли не однѣ проказы. И въ такiя минуты она задавала старшимъ странные вопросы, подчасъ ста-

вившіе ихъ въ тупикъ. Во время дневныхъ прогулокъ, когда хорошенькую дѣвочку, одѣтую во всемъ бѣломъ, водили въ Лѣтній садъ или по набережной, все время она приставала къ матери или къ Василисѣ съ разспросами:

— Скажи, мама, очень богатъ вотъ этотъ господинъ, что въ автомобилѣ ѣдетъ? А почему нашъ министерскій курьеръ, что папѣ бумаги привозитъ, называется курьеромъ, а ѣздитъ на казенной лошади тише, чѣмъ мы пѣшкомъ ходимъ?

— Что я тебя спрошу, Василиса, скажешь мнѣ правду?

— Навѣрное, опять какія-нибудь глупости,— сердито отвѣтитъ Василиса.

— Нѣтъ, не глупости, а очень даже серьезную вещь.

— Ну, спрашивай.

— Почему ломовой, вотъ тотъ, такой толстый и красный, бьетъ маленькую свою лошадь? Вѣдь ей такъ трудно тянуть нагруженную до верха дровами телѣгу? Развѣ нельзя его поставить въ оглобли, а ее посадить на его мѣсто?

— Я говорила, что ты спросишъ ерунду, отвѣтитъ съ сердцемъ Василиса. Развѣ можно человѣка на мѣсто скотины ставить.

— А кто изъ нихъ человѣкъ, кто скотина, скажи?!

— Я съ тобой и говорить-то не хочу! Ишь, что выдумала, оголтѣлая! Кто изъ нихъ человѣкъ, кто скотина?!

Въ такомъ родѣ разговоры велись каждую прогулку, и Леля могла довести старшихъ до полнаго изнеможенія.

Однажды,—это было на пятой недѣлѣ великаго поста,—Лелѣ нездоровилось и она въ обычное время для прогулокъ,—съ часу дня — оставалась дома. Отецъ ушелъ на службу, братья были въ гимназіи, мать ушла къ портнихѣ, а прислуга съ

Василисой пошли на чердакъ снимать повѣшенное для просушки бѣлье. Она была одна, совсѣмъ одна въ большой квартирѣ. Это ее страшно радовало.

Безъ всякаго присмотра, она можетъ дѣлать, что хочетъ, и никто не будетъ приставать къ ней съ выговорами и наставленіями.

Прежде всего она устроитъ субботній пріемъ, какъ дѣлаетъ мама, и станетъ принимать расфранченныхъ дамъ въ гостинной, куда ее въ то время не пускали, но она часто изъ щелочки дверей спальни наблюдала за этой церемоніей.

Сказано—сдѣлано.

Посадить нѣсколько куколъ въ кресла и самой сѣсть на диванъ—дѣло одной минуты.

— Марья Петровна, скажите, вашъ супругъ еще не вернулся изъ командировки? спрашиваетъ Леля куклу блондинку—Машку, подражая голосу мамы.

— Представьте, до сихъ поръ его еще нѣтъ! А долженъ былъ вернуться на прошлой недѣлѣ! Я такъ скучаю безъ него, такъ скучаю! Никуда не хочется ѣздить. Сижу все больше дома.

— А вчера я видѣла васъ въ Маріинскомъ театрѣ,—перебиваетъ ихъ тетя-проказница кукла-чернушка—Катя.

— Ахъ, да, смутившись, отвѣчаетъ Марья Петровна. Случайно капитанъ Суриковъ привезъ мнѣ билетъ въ ложу. Не пропадать же билету?! Вотъ я и пошла...

Лелѣ игра эта надоѣла.

Куклы полетѣли на полъ.

Ай да на цыпочкахъ къ папѣ въ кабинетъ. У него тамъ такъ интересно! Какая масса книгъ и многія со странными картинками. Статуи стоятъ и будто хотятъ брать ванну: совсѣмъ безъ платья!

И почему это папа запрещаетъ ей ходить безъ него въ кабинетъ? Дай-ка, я попробую сѣсть за столъ, въ это удобное кресло...

И Леля преважно усѣлась въ кресло и, подражая отцу, за которымъ иногда наблюдала при краткихъ посѣщеніяхъ кабинета утромъ, когда приходила пожелать добраго утра, обмакнула перо въ чернильницу и подмахнула какую-то бумажку, лежавшую на столѣ: „Вице-директоръ Н-скаго департамента Огнивцевъ“...

Вдругъ зазвенѣлъ телефонъ.

Дѣвочка сперва смутилась, но затѣмъ смѣло взяла трубку и крикнула „алло!“

— Это квартира господина Огнивцева? Кто говоритъ?

— Говоритъ Леля. А вы кто?

— А, Лелечка! здравствуй! говоритъ тетя Катя. Мама дома?

— Дома одна я. Всѣ ушли.

— Ну, такъ вотъ, дѣточка, передай мамѣ, что завтра прапорщикъ Кудряшевъ ѣдетъ на позицію и везетъ солдатамъ подарки отъ нашего общества. Если у мамы пакеты, которые она обѣщала приготовить, сдѣланы, пускай она сегодня ихъ пришлетъ. Поняла?

— Поняла, тетя. Это подарки солдатикамъ на Пасху?

— Да, дѣточка, это имъ красное яичко. Вѣдь они, бѣдные, тамъ умираютъ, а намъ тутъ тепло и безопасно. Такъ передай, не забудь...

— Хорошо, тетя, передамъ!..

Дѣвочка положила трубку на мѣсто и устремила глаза въ одну точку.

...„Они, бѣдные, тамъ умираютъ, а намъ тутъ тепло“...

И доброе сердечко ея затрепетало отъ жалости.—„Бѣдные, бѣдные мои солдатики! Какъ я васъ люблю! Какъ мнѣ васъ жалко! Какъ хочется мнѣ васъ обнять всѣхъ, васъ, моихъ дорогихъ ненаглядныхъ!..“

И чистыя, кристальныя слезки медленно

потекли изъ большихъ, голубыхъ, ясныхъ глазъ.

Сколько времени она занималась глупыми проказами и ни разу не подумала, что люди собираютъ солдатикамъ подарки. Какая-же она злая, негодная дѣвченка! Но не все еще потеряно.

Скорѣе за дѣло... скорѣе, пока она еще одна и никто не можетъ ей помѣшать! И она стремглавъ бросилась въ спальню.

На креслѣ рядомъ съ туалетомъ лежалъ ящикъ покрытый досками, но еще незабитый гвоздями Въ немъ были уложены аккуратно и плотно пестрые мѣшки съ подарками для солдатъ.

Не найдя лишняго пустого мѣшка, дѣвочка быстро открыла комодъ и вытащила шелковую наволочку отъ подушки-думки. Скорѣе, скорѣе исполнить задуманное дѣло! Если она его не свершитъ, она умретъ отъ горя! Что туда положить? На самое дно мама укладывала папиросы и спички. Она знаетъ, гдѣ у папы сигары! Мгновенье и она въ кабинетѣ. Вотъ правый ящикъ. Слава Богу, не запертъ... въ самомъ концѣ его полная коробка лучшихъ гаванскихъ сигаръ. Отлично! Коробка влѣзла на дно... Скорѣе обратно въ спальную... въ третьемъ отдѣленіи шкафа носовые платки. Вотъ эти, яркіе, шелковые, въ самый разъ. Шесть штукъ довольно.

Въ комнату къ брату Сережѣ... молодецъ, не взялъ въ гимназію свой знаменитый ножъ—подарокъ отца. Ножъ этотъ красивый, перламутровый; въ немъ есть и пила, и отвертка, и шило, и штопоръ и еще много, много отдѣленій. Солдатику онъ очень пригодится. Лѣзь-ка скорѣе въ мѣшокъ! Теперь,—въ столовую. Вотъ ея приборъ, подаренный дѣдомъ. Ложка, вилка и ножикъ изъ массивнаго серебра. Завернуть его въ шитое полотенце. Прекрасно пришелся въ ширину мѣшка. Мѣста еще осталось много. Что-бы положить?

А, вотъ что: папины русскія рубашки, которыя онъ носитъ на дачѣ лѣтомъ. Онѣ у няни, въ гардеробной. Вотъ эту, съ шитой грудью голубымъ шелкомъ по бѣлому, и вотъ ту, съ розами.

Ну, теперь положу свой портретъ, что стоитъ у мамы на туалетѣ, банку духовъ и коробку конфектъ. Въ самый разъ, до самаго верха. Теперь надо написать письмо...

И Леля лихорадочно-быстро примостилась за папинъ столъ и на хорошенькой открыткѣ, имѣвшейся у нея въ запасѣ, вывела каракулями:

— „Милый солдатикъ! Шлю тебѣ и я пасхальные подарки. Что могла, то и собрала. Не сердись, что мало, зато собирала все, любя... Защищай насъ отъ нѣмца и не умирай; — помни, что я тебя люблю и за тебя молюсь...

Христосъ Воскресе!.. Твоя Елена"...

Положить открытку въ мѣшокъ, завязать его своей лучшей лентой отъ волосъ и втиснуть мѣшокъ на самое дно ящика — заняло нѣсколько минутъ. И во время. Раздался звонокъ, и мама застала дѣвочку въ дѣтской, усердно сидѣвшую за ариѳметической задачей къ завтрашнему уроку...

Ночью, когда всѣ уже спали, Леля долго молилась передъ иконой Спасителя: „Господи! Сдѣлай такъ, чтобы мой подарокъ получилъ самый бѣдный, самый одинокій солдатикъ! Пусть онъ принесетъ ему большую, большую радость"...

II.

Воистину Воскресе!..

2-й баталіонъ Н-скаго пѣхотнаго полка уже вторую недѣлю занималъ укрѣпленія близъ Икскюля.

Тяжелая эта была позиція!

Съ ранняго утра и до поздняго вечера „германъ“, такъ называли солдаты непріятеля, упорно гвоздилъ русскіе окопы тяжелой артиллеріей. Выдавались дни, когда отдѣльнаго выстрѣла не было слышно. Стоялъ сплошной гулъ, какъ будто тысячи грозъ скопились въ одномъ мѣстѣ и обрушились съ разгнѣваннаго неба на грѣшную землю. Человѣческаго голоса въ двухъ шагахъ нельзя было уловить. Въ эти минуты солдаты накидывали шинели на голову, плотно закрывали уши и оставляли снаружи лишь глаза, которые зорко глядѣли въ бойницы.

На крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ окопы загибались по излучинѣ рѣки, ближе къ непріятелю, всего шагахъ въ двухстахъ отъ нѣмецкихъ укрѣпленій, полувзводомъ командовалъ унтеръ-офицеръ Матерой. Всегда угрюмый, съ солдатами требовательный и строгій, въ бою жестокій и отчаянно смѣлый, онъ ни съ кѣмъ не водилъ компаніи и безпощадно „грѣлъ“ тѣхъ, кто позволялъ себѣ хоть очень тонко подсмѣиваться надъ его странной фамиліей. Несмотря на то, что товарищи его не любили, онъ пользовался, какъ человѣкъ желѣзнаго характера, среди солдатской братіи уваженіемъ и авторитетомъ. Что скажетъ „дядя Матерой“,—а говорить онъ былъ не мастеръ и слова отъ него добиться было трудно, — то, значитъ, и должно быть такъ! Начальство цѣнило браваго унтеръ-офицера, и самыя рискованныя развѣдки поручались ему.

Никому никогда онъ не разсказывалъ о своей жизни, и она была безконечной загадкой для всей солдатни.

Бывало, станетъ рота на отдыхъ, въ резервъ, и десятокъ дней проведетъ въ „мирной“ обстановкѣ. Положимъ, для тыловой братіи эта „мирная“ обстановка показалась бы сущимъ адомъ, но для испытавшей съ самаго начала войны кое-что

роты эта обстановка была раемъ: вдали грохочетъ артиллерія, иногда шальной снарядъ прогудитъ надъ головою, — зато нѣтъ проклятыхъ пулеметовъ и не слышно пискливаго звука разрывной пули. И солдаты, какъ дѣти, рѣзвятся передъ землянкой! Утромъ встанутъ честь-честью,—умоются, помолятся Богу и засядутъ за чаепитіе. За четвертой или пятой кружкой чего только не переговорятъ другъ съ другомъ. Каждый знаетъ про товарища, какой онъ губерніи, есть ли жена, да дѣти; сколько надѣловъ земли, да какая скотина въ хозяйствѣ имѣется.

Въ дружной бесѣдѣ станутъ приставать къ Матерому:

— А скажи, дядя, гдѣ ты землепаствуешь?

— Тамъ, гдѣ ты рыломъ не вышелъ, — отвѣтитъ тотъ.

— А много ли у тебя въ хозяйствѣ волковъ матерыхъ?—несмѣло задаетъ вопросъ кто побойчѣе...

— Вотъ считай сколько,—скажетъ Матерой, подскочивъ къ озорнику и начиная отсчитывать ему подзатыльники.

Такъ никто и не зналъ, какой жизнью проживалъ до войны чудакъ.

А жизнь его, дѣйствительно, не миловала!

Помнитъ онъ себя удалымъ парнемъ, первымъ на деревнѣ забавникомъ.

Никто лучше его не игралъ пѣсни, никто не раздѣлывалъ такой присядки!

Да и въ рабочіе часы никто угнаться за нимъ не могъ. Не даромъ сосѣди — помѣщики на перебой звали въ батраки и жалованье платили ему, въ сравненіи съ другими, двойное.

И вотъ, однажды въ самый разгаръ лѣтней рабочей страды на барскомъ дворѣ, куда онъ поступилъ годовымъ работникомъ, встрѣтилась ему горничная барыни—рѣзвая и веселая Аннушка.

Рѣзанула его черными глазами, кивнула головой,—да и была такова!

Свѣту не взвидѣлъ парень!

Ввечеру, когда работу кончили и поужинали, Матерой встрѣтился съ Аннушкой. Разговорились они и сразу понравились другъ другу.

Спасибо отцу Дементію, деревенскому попу,— Матерой въ грамотѣ былъ силенъ. И книжекъ много прочиталъ, да и свѣтъ повидалъ, даже въ Москвѣ два раза былъ. Значитъ, лицомъ въ грязь не ударилъ и повелъ съ Аннушкой такой деликатный разговоръ, что она, столичная штучка, диву далась! Простой батракъ, а какое образованіе имѣетъ!

Не прошло и недѣли, какъ слюбились они.

Что это за чудное время было!

Уговорилъ Матерой любимую дѣвушку повѣнчаться. Сыграли свадьбу и зажили душа въ душу!

Осенью съ господами поѣхали въ Москву, Аннушка по прежнему горничной, а Матерой тутъ же дворникомъ у господъ. Свой домъ они имѣли.

Въ первый годъ Богъ дочку далъ. Еленой назвали, въ честь барыни, крестной матери. Заглядѣнье была дѣвочка. Глаза большіе, огневые, что у матери. А носъ, какъ у него, прямой, съ горбинкой.

А тамъ, недолго, очень недолго длилось счастье...—какъ страшный кошмаръ, какъ навожденіе дьявольское,—„это“ случилось...

Сталъ замѣчать Матерой, что съ женой неладное приключилось... Отъ ласкъ его отбивается, гонитъ его прочь съ гримасами. Пропадать стала цѣлыми днями, отговаривается, что барыня, де-кать, по дѣламъ посылаетъ.

Елену забросила совсѣмъ, такъ, что ему за дѣвочкой присматривать нужно было...

„Что за оказія?!“ думалъ Матерой. И вотъ, въ одинъ скверный осенній день Аннушки не стало!

Сбѣжала съ буфетчикомъ, да съ тѣхъ поръ и канула въ воду.

Запилъ съ горя Матерой. Скоро съ мѣста согнали. Спасибо барынѣ,—Елену, дочку родную, въ прiютъ опредѣлила.

Да не долго мучилась, болѣзная!

Извѣстное дѣло, кому дорого чужое дитя? Пожила въ прiютѣ съ годикъ,—да заболѣла тифомъ и отдала Богу душу.

Съ тѣхъ поръ Матерому не милъ сталъ свѣтъ. Люди опостылѣли, да и отъ вина воротить стало. А тутъ грянула война на его счастье!

Вотъ гдѣ онъ можетъ горе свое размыкать, голову свою дорого продать...

. . . .

Мысли эти вихремъ мелькали въ головѣ у унтеръ-офицера Матерого, и онъ не замѣчалъ, что надвигается ночь и дьявольская канонада начинаетъ стихать.

— Сегодня Великая Суббота. Поди, въ Рассеѣ во всѣхъ храмахъ народу видимо-невидимо! Принесли святить куличи, пасхи, яйца... Всѣ со свѣчами стоятъ, крестнаго хода ждутъ...

— Господинъ взводный, а, господинъ взводный! Отъ ротнаго приказанiе.

И молодой солдатикъ подалъ Матерому записку. „Собрать полувзводъ и осторожно, когда придетъ смѣна, выводить. Идемъ на отдыхъ, въ резервъ“, было написано въ запискѣ.

Быстро собралъ людей Матерой и со всѣми предосторожностями, когда окончательно стемнѣло, присоединился къ ротѣ. Радостно шли солдаты! Ихъ ждетъ заслуженный отдыхъ а главное, Свѣтлое Христово Воскресенье можно будетъ встрѣтить по настоящему, по-христiански...

Помылись, почистились молодцы и стройными рядами были выстроены передъ маленькой палаткой—походной церковью.

Ярко горѣли тонкія свѣчи, чуть колеблемыя весеннимъ ночнымъ воздухомъ, кладя рѣзкія тѣни на суровыя лица молящихся. Какъ куполъ дивнаго храма, раскинулся небосводъ надъ ихъ головами, и яркія звѣзды мерцали въ вышинѣ, переливаясь волшебными огнями...

Дружно запѣли полковые пѣвчіе и торжественно двинулся крестный ходъ.

„Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ"... далеко разносилась радостная пѣснь, и свѣтло дѣлалось на душѣ русскихъ героевъ.

Послѣ заутрени повели всѣхъ разговляться. Наскоро сбитые столы около землянокъ были завалены колбасою, бѣлыми булками, куличами.

Передъ трапезой ротный командиръ построилъ роту и по одному приказалъ подходить къ стоящимъ въ сторонкѣ ящикамъ и, запустивъ руку и взявъ одинъ мѣшокъ—подарокъ, отходить, чтобы дать мѣсто другому.

Радости не было конца!

Каждый аккуратно, не глядя, запускалъ руку и, захвативъ мѣшокъ, отходилъ въ сторону, на ходу его раскрывая.

И чего только не было въ этихъ мѣшкахъ! Что ни вещь—то спасибо—польза въ солдатскомъ хозяйствѣ!

Подошелъ угрюмо въ свою очередь и Матерой.

Запустилъ руку и вынулъ шелковый мѣшокъ съ яркой алой лентой.

Сосѣди такъ и ахнули:

— Ай, да дядя Матерой! пофартило ему здорово!

Развернулъ Матерой мѣшокъ,—а сверху письмо:

„— Милый солдатикъ! Шлю тебѣ и я пасхальные подарки. Что могла, то и собрала. Не сердись, что мало, зато собирала все, любя... Защищай насъ отъ нѣмца и не умирай;—помни, что я тебя люблю и за тебя молюсь... *Христосъ Воскресе!* Твоя Елена"...

Какъ стоялъ Матерой, такъ и опустился на землю. Зарыдалъ, какъ ребенокъ. Подарки всѣ высыпались на землю.

Обступили солдаты, ротный за плечо толкаетъ:—„Очумѣлъ, что-ли? Ума лишился; ей, дядя Матерой! чего воешь?“...

— Доченька моя... покойная... Елена... письмо мнѣ... карточка... совсѣмъ она...

— Воистину Воскресе!

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у автора:
Петроградъ, Таврическая, 13, кв. 3.